

**УБИТЬ
НЕЛЬЗЯ
ОСТАНОВИТЬСЯ**

**ЕСЕНИЯ
КАКТУС**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Есения Кактус

УБИТЬ НЕЛЬЗЯ ОСТАНОВИТЬСЯ

«Автор»

2026

Кактус Е.

Убить нельзя остановиться / Е. Кактус — «Автор», 2026

Как справиться с тяжестью отнятой жизни? Я убил троих, не заботясь о последствиях, а сейчас Сейчас смотрю в глаза их родителей, полные горя и ненависти. Смотрю и соглашаюсь со всеми их мыслями. Не мешаю действиям. Я бы позволил отплатить тем же, если бы мог. Предупреждения: присутствуют подробные описания смерти, пыток, насилия, самоубийства, упоминание курения, наркотических веществ, алкоголя. Присутствует нецензурная брань. Автор не поддерживает насилие и не пропагандирует его ни в каком виде. Так же автор не поддерживает идеи суицида и не призывает к нему. Любые сходства с реальными людьми случайны.

© Кактус Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1	5
ИЗОЛЯТОР ВРЕМЕННОГО СОДЕРЖАНИЯ	5
ГЛАВА 2	16
ГЛАВА 3	29
ГЛАВА 4	39
ГЛАВА 5	49

Есения Кактус

УБИТЬ НЕЛЬЗЯ ОСТАНОВИТЬСЯ

ГЛАВА 1

ИЗОЛЯТОР ВРЕМЕННОГО СОДЕРЖАНИЯ

Я убил всех троих. Первому сломал шею. Раздавил ногой все кости и трахею, раз за разом вдавливая в асфальт. Я до сих пор чувствую его искорёжившиеся пальцы, впившиеся в икру. Произошедшее застряло перед глазами. Вижу, только как мелькают кровавые картинки. Вторым бросился с ножом. Им же я перерезал ему глотку. Он медленно осел на пол, сжимая руками рану. Я смотрел. Долго смотрел. Догнал третьего – тот так же надолго замер от страха. Зачем только он показал мне свои глаза, наполненные животным ужасом. Это пронзило насквозь всё моё нутро. Руки по локоть в крови. Хрипы и бульканье, вырвавшиеся и разорванной челюсти, застряли в ушах. Мне что-то говорят – я слышу только крики. Куда-то ведут – вижу лишь три тела, залитые кровью. Она не успела даже высохнуть. Я оставляю отпечатки везде – на стенах, полу и полицейских. Они злы. Я чувствую.

– В одиночку его, он буйный, – суровый голос добавил что-то тише.

Тряхнул руками. Звон наручников. За решётку толкнули. Оно и к лучшему. По крови до сих пор гуляет адреналин.

Я остановился слишком поздно. Хоть яркие смазанные образы всё ещё мелькают перед глазами – я не помню этого. Не помню. Знаю, что убивал, как и почему. Осознание пришло, когда под пальцами забился быстро-быстро пульс четвёртого... Нет. Он не «один из». Его имя я знаю. Я знаю, что должен был сдерживать себя в руках. Страх в глазах убитого меня не зацепил так, как ужас того, к которому обращаться по имени я не могу. Перед ним я виновен в большей степени.

С металлическим скрежетом открылась дверь. Стремительный шаг. Я не поднял головы, за шиворот подняли чьи-то руки, чтобы ударом с широким замахом снова повалить на пол. Громоздкая обувь пересчитывала рёбра. Я не сопротивлялся. Я делал тоже самое несколько часов назад – мстил.

Три чётких удара о металлическую решётку заставили его нехотя остановиться.

– Дышит? – равнодушно.

– Дышит, куда он денется, – оскалился голос.

И правда. Куда я денусь? Я буду жить и каждую секунду помнить о том, в чём виновен. О том, в чём виновны они. О том, с чем будет жить он. Горизонтальное положение вновь сменилось на вертикальное.

– Я бы прикончил тебя прямо сейчас, но я не дам тебе просто сдохнуть. Ты будешь гнить в тюрьке на пожизненном, пока не пришьют там.

Соглашаясь и принимая его справедливую злость, я смотрел вниз. С чужой кровью смешалась моя собственная. Лучше бы он смог убить меня. Затылок встретился со стеной.

– Ты, блять, знаешь кого ты убил?

– Кого? – из губ вырвался вопрос, опередивший мои мысли. Мне стоило молчать. Заткнуться и ничего не делать. Своим наглым вопросом я словно обесценил всю личность умерших. Я старался проникнуться чувством вины из-за крови на моих руках и дерзости за решение отнять жизнь, но не мог простить своим жертвам их деяний. Я не должен был сам вершить суд – я никто. Но и испытывать жалость не намерен. Не могу. Не сейчас.

Удар в живот. Я согнулся. Внутренности запротестовали.

– Ты убил моего сына, – слова наполнились болью, большей, чем я когда-либо испытывал, и злостью, достаточной, чтобы отплатить мне тем же. – Ты, мразь...!

Слова его застряли в горле. Он хотел сказать так много, что не мог сказать ничего.

– А когда ваш сын, – говорить было трудно, руки дрожали, упёршись в бетон, – чуть не убил моего...

Пинок под рёбра отнял способность дышать. Следующий. Ещё. Ещё. Ещё. Ещё.

– А что ты потом сделал? – с истеричным смешком он поднял мою голову за волосы и оттянул, едва не снимая скальп. Не сдержавшись, я зашипел. – Сам вскрыться решил, да?! Так что ж, блять, медлил?! Вот так надо было.

Лезвие коснулось горла. Укусило.

– Прирезать себя вздумал, чтобы не мучиться?! Знал, что с тобой здесь будет, да?

Дёрганными движениями он то подталкивал нож к шее, то отстранял.

– Не выйдет, – прошелестел сквозь зубы и замахнулся, вонзив лезвие по рукоять в бедро. Провернул. Вынул. Я не устоял на ногах. Рана загорела, хлынула кровь. Снова.

Он смотрел на меня. Я в упор на него. В глазах всё плыло, но я видел, как трясутся от желания добить меня руки. Как сильно он сжимает зубы от ненависти. Резко развернулся и вышел.

– Закрой его нахуй, пока не добил. Пусть подохнет от заражения крови.

Протиснувшись в камеру, второй полицейский встал надо мной. Сурово приказал:

– Встань. В карцере лежать и сидеть запрещено.

Я лишь глубоко дышал, смотря в ответ. Рёбра сдавило, ни рук, ни ног я не чувствовал.

– Вставай!

Он рывком потянул меня за руку вверх. Стараясь крепко вцепиться подошвой в пол, я устоял. Даже к лучшему – в таком положении дышать было легче. В ушах зазвенело. Полицейский вышел вслед за первым. Тот стоял едва ли не в плотную. Ему следовало избить меня до потери сознания. Так, чтобы я не мог говорить. А я мог, и я делал. Бешеная злость до сих пор крылась внутри. Контроль. Сейчас он возможен только из-за страха перед самим собой. Но не тогда.

Я сделал шаг. Повис на прутьях.

– А который из них твой-то был?

Он засопел. Дрогнула рука. Сдержался. Зря.

– Тот... С разорванной челюстью.

Я не ошибся, когда подумал, что его крики застрянут в голове. Они воспроизвелись так чётко, что я едва не обернулся. По телу прошлись мурашки. Будто ударило током. Молчи. Молчи. Молчи.

– Знаешь, у него была возможность убежать. Он был последним. *Кричал громче всех.*

Мужчина ударил прикладом в висок. Я добился своего. Или *он*. Понял это, когда ногой меня потормошил уже совсем другой человек. Времени, проведённого в отключке, я не ощутил. Казалось, что всё происходит последовательно.

Стороны то и дело менялись местами. Было тяжело сосредоточить взгляд.

– Поднимайся.

Он сковал мои руки за спиной. Вывел из камеры и повёл по коридорам в другое место. Его я опознал как медпункт. Сел. Мужчина в халате стал задавать вопросы. Я отвечал на автомате. Хмурясь, глядел в одну точку.

– Раздевайся. Хронические заболевания имеются?

– Нет.

– Педикулёз, туберкулёз, инфекция, сыпь, вши?

– Нет.

– Наркотическое, алкогольное опьянение?

– Нет.

– Жалобы на самочувствие есть?

– Нет.

– Ладно... – он перелистал бумаги. Хмыкнул. Отложил. Взял ватную палочку и сказал открыть рот, чтобы взять мазок. – Указано, предпринял попытку самоубийства на месте преступления, было?

– Не помню.

Недовольно вздохнув, взял мои руки и перевернул. Синяки и ссадины не были похожи на вскрытые вены. Осмотрел живот – та же картина. Большая гематома расплывалась по всей грудной клетке. Ощупал.

– Болит?

– Нет.

Переместил внимание на шею.

– Гематомы и порез средней глубины слева... – пробубнил себе под нос. Затем осмотрел голову – вероятно остался след от приклада. Вернулся к рабочему месту и застучал по клавиатуре. – Пробелы в памяти? Голова болит? Кружится? Тошнит?

– Нет.

Он вздохнул и раздражённо переспросил, вставая из-за стола.

– Что именно нет?

– Не болит, не кружится, не тошнит. Если пробелы в памяти есть, я о них не помню.

– Ладно. Левую руку, – он обвязал жгутом предплечье, взял кровь из вены, снял жгут и сунул спиртовую салфетку. В нос дал резкий запах. – Сюда проходи.

Врач отвёл в более освещённый угол, снял перчатки и вооружился небольшой камерой. Сфотографировал все повреждения. Избили до мед осмотра – это разумно. Однако не думаю, что всё обойдётся одним случаем.

Указал на рану на ноге, я только сейчас взглянул на неё. Кровь уже запеклась, как и разводы вокруг. Во время ходьбы корка трескалась и продолжала кровить.

– Ходьбе не мешает?

– Нет.

– Хорошо, – снова грузно вздохнул, затем кивнул в сторону мужчины, приведшего меня сюда. – В дезинсектор его. Потом обратно, на перевязку.

Мне вручили халат и отвели в соседнее помещение. Дезинсектором оказался общий душ, на тот момент пустующий. Под пристальным взглядом дежурного я смыл кровь с себя и волос. Вернулись обратно. Мед работник заклеил рану на шее и ноге. Больше ничего трогать и говорить не стал. Повели дальше. Другой кабинет, на этот раз женщина. По вопросам понял – психотерапевт.

– Так, кто ты у нас?

Я промолчал, тогда чётким тоном за меня это сделал дежурный:

– Владислав Михайлович Воскресенский, 20 полных лет.

– Так... вижу... Психические заболевания есть?

– Нет.

Она тут же поправила меня:

– В личном деле указано о наличии ПТСР.

– Значит есть, – равнодушно ответил я. Всё это она знает, проверяет, буду ли я врать?

– Чем вызвано?

– Не знаю.

– Попытки суицида были?

– Да.

– Сколько?

Я задумался. Это делать было трудно. Выбрал наиболее популярный ответ.

– Не помню. Больше трёх.

– К успеху идёшь, – раздражённо подметил дежурный, на что получил молниеносную реакцию женщины.

– Гражданин Титов! Я сейчас попрошу Вас подождать снаружи!

– Вы посмотрите по какому делу он обвиняемый.

– Мне без разницы, презумпцию невиновности никто не отменял.

– Я виновен.

Две пары глаз уставились на меня. Сердце забилось быстрее.

– Я убил троих человек и покусился на жизнь ещё одного.

Сказать вслух было необходимостью. Это снова распечатало мои чувства. К горлу подкатил ком. Я должен был остановиться.

– Так, об этом с тобой будут говорить в другом месте, а пока мне нужно другое.

Я снова замер взглядом в сторону. Я убил. Руки чистые, но я знаю, что они в крови. Знаю в чьей. И по чьей вине.

Дальше в вопросы не вдумывался и отвечал на автомате, хоть и казалось, что до этого я делал так же. Дежурный отвёл в первый кабинет, там вернули одежду. Она была сырая. Кровь не смылась полностью – её будто просто прополоскали в хлорке. Руки сковали. Шли дальше. Помещение с разметкой на стене и столом посередине. Кажется, я здесь уже был.

Голова шла кругом от светлоты помещения. От влажной одежды всё зудело. Я не следил за временем, а потому не мог понять сколько его уже прошло. Наконец, вошёл мужчина. Обратился к дежурному и сказал тому выйти. Сел напротив. Разложил бумаги на столе и включил диктофон.

– Лейтенант полиции Олег Юрьевич Джабраилов. Я занимаюсь расследованием по Вашему делу. Владислав Михайлович Воскресенский, вы знаете, почему вас задержали?

– Да.

– Вам озвучили ваши права?

– Да, – машинально ответил, хоть и не помнил ничего подобного вовсе. Правом хранить молчание и правом на адвоката пользоваться не собирался. Отрицать вину было глупо, да и я смягчения приговора не желал. По правде, и вовсе не заботился об этом сейчас. Знал – меня посадят. Куда и насколько – не столь важно.

– Вы обвиняетесь в убийстве гражданина Марка Витальевича Хмурова, гражданина Романа Викторовича Васильева, гражданина Родиона Геннадьевича Кругленко. Так же вы обвиняетесь в причинении тяжкого вреда здоровью гражданину Максиму Сергеевичу Мионову. Вы согласны с обвинениями?

– Да.

– Дальше. Смотрите, вы можете начать сотрудничать со следствием и сразу рассказать, как всё произошло, это сильно упростит нам работу, – он уставился на меня. Я на него. – Вы согласны сотрудничать со следствием?

– Да.

Он давал мне выбор. Чтобы не усмехнуться иронии я сжал челюсти до писка в ушах.

– Тогда, – он вытянул из папки лист и положил его передо мной вместе с ручкой, – пиши.

Я взял ручку, постарался сделать это более удобно, в условиях ограничивающих наручников. Упёр её в лист. Будто подумав, что в моём стиле будет написать «я во всём виноват», исходя из недолгого диалога, следовательно начал диктовать:

– Я, фамилия, имя, отчество, пишу чистосердечное признание о том, что совершил убийство гражданина... Вот список убитых. Далее: свою вину признаю в полном объёме и раскаиваюсь в содеянном. Дата. Подпись.

Рука дрожала. И без того плохой почерк грозил стать нечитабельным. Приходилось писать медленнее. Краем глаза заметил, как следователь выключил диктофон. Молча дождался подписи. Отнял бумагу. Перечитал.

– Последнего не вписал.

– Я ему ничего не сделал.

– Пиздишь, – контрастная смена интонации накалила обстановку. Всё что было нужно под запись – он проговорил. Дальше можно не церемониться. – Три сломанных ребра, сотрясение, многочисленные ушибы, внутреннее кровотечение. Ты хочешь сказать, что троих убил, а последнего и пальцем не тронул? Как по мне, ты хорошо над ним поиздевался.

– Его как раз-таки избили эти трое, – рука сжалась, ногти впились в ладонь. Я вновь и вновь повторял себе мантру о том, что должен держать себя в руках. Глаза следователя метнулись на мои руки и снова вгляделись в упор в лицо.

Изображая сдержанность, он сложил бумаги в стопку и сверху положил диктофон. Встал, резко отодвинув стул, от чего тот противно и громко скрипнул по полу. Огляделся по сторонам, обходя стол. Будто только сейчас убедившись, что в комнате больше никого нет, сбил меня на пол. Этого стоило ожидать. Изображая мешок, я не делал лишних движений. Звуков тоже старался не издавать, пока уже другие ботинки второй раз за сутки проверяли наличие рёбер. Следователь ограничился сравнительно меньшим количеством ударов. Резко и без особой осторожности усадил на стул обратно. Развернул и задвинул ближе к столу. Упёрся в него рукой и навис, сжав в кулаке мои волосы. Поглядывая в угол, быстро с отдышкой проговорил:

– Сейчас придёт адвокат. Государственный. Денег на своего у тебя нет, а потому посадят тебя на долго и подальше. А обо всём этом ты никому не расскажешь. Понял?

Я молчал, смотря в потолок. Тогда следователь вздохнул, кинул взгляд в угол и припечатал мою голову об стол.

– Плохо слышишь?

Снова удар. Не дал и секунды на ответ.

– Понял?

– Понял...

Ещё раз. Хруст.

– Извини, не расслышал, так что здесь происходило?

– А что здесь происходило?

Снова.

– Шутников не люблю.

– Всё что здесь происходило записано на диктофон. Ни больше ни меньше.

Вложив в финальный удар об стол моим лицом максимальную силу, он вышел, не оборачиваясь. Я поднял голову и уставился на оставшуюся красную лужицу, в которую продолжала капать кровь из моего носа. Утерев её тыльной стороной ладони, посмотрел вверх – в том углу, куда так часто поглядывал следователь, висела камера. Лампочка на ней не мигала. Я усмехнулся. То ли от продуманности этой системы, то ли нервно. Наконец, решил оглядеться. Справа находилась уже упомянутая расчерченная стена. Спереди была рыжая деревянная дверь. Слева на меня посмотрел я сам. По телу пробежались мурашки. Длинные белые волосы спутались от бесконечного внимания к ним. Лицо показалось мне вдвое бледнее обычного то ли из-за тёмного стекла, то ли из-за яркого алого контраста. Едва различимый красный оттенок глаз сейчас казался мне пламенеющим. Это из-за убийства? Да. Я смотрю на убийцу. Безжалостного. Отвратительного. Отрицая себя в отражении, коснулся лица. Оно повторило. Улыбка. Тряхнул головой – та отозвалась звенящей болью. Вернул взгляд. Показалось. Дотронулся носа. Кажется сломан. Вдох. Хруст ещё более громкий, чем до этого. Вырвался тихий стон. Срастётся правильно. Потекла новая струйка крови. Поддев пальцами рукав, приложил его к носу.

Дверь открылась. Вошла уборщица. Одна. Производила впечатление женщины уже не боящейся никого. Машинально глянул в верхний угол. Лампочка стала мигать. Женщина вытерла тряпкой весь стол, прополоскала, повторила. Не глядя, сунула салфетку.

– Спасибо.

– Пожалста, – проговорила в ответ звонко и так же хмуро, – будете мне тут капать своей кровякой. Двадцать штук на дню ходят, топчут, а я убирай! Ни стыда, ни совести!

Я вновь невольно усмехнулся.

– Вы всем убийцам про совесть рассказываете?

Она остановилась, оскорблённо осмотрела меня с ног до головы.

– Ты поговори мне тут ещё! Один ты у меня такой опасный что ли? Тьфу! Ирод, прости Господи.

Сгребя свои тряпки и вёдра, она стремительно вышла, не прекращая причитать. В дверях с ней столкнулся молодой человек в деловом костюме и получил пару ласковых и в свой адрес. Проводив взглядом женщину, негодуя выдохнул. Энергичным шагом вошёл в помещение. Замедлился, когда столкнулся с моим взглядом. Обернулся. Следом вошёл сотрудник полиции, которого я до этого ещё не видел. Мысленно приготовился к избиению и от него.

– Здравствуйте, меня зовут Бауманов Борис Артёмович. Я буду представлять ваши интересы в суде. Приятно познакомиться.

Он протянул мне руку, на которую я скептически посмотрел. Со стороны, наверное, я сделал это как затравленный зверь, коим, по сути, и являлся. Чуть погодя, поднёс скованные руки и ответил на рукопожатие. Борис заикнулся, чтобы что-то сказать, но был перебит стоящим позади сотрудником.

– С ним можно не так вежливо.

Адвокат рвано вздохнул и дежурно улыбнулся, оборачиваясь.

– Вы можете нас оставить? Подозреваемый скован, камера работает – я в безопасности.

Полицейский усмехнулся: «В безопасности», и вышел, громко хлопнув дверью.

– Так, – прогоняя из мыслей насмешку, он разложил на столе бумаги, вооружился ручкой и уставился на меня. Завис.

– Мне не нужен адвокат.

– В смысле?

– Я виновен. Во всех обвинениях. Сажайте и всё.

Борис вздохнул, поморгал.

– Значит просто не будет... Послушайте, даже если вы не рассчитываете на освобождение, я в любом случае нужен, чтобы проследить за законностью расследования.

– Мне без разницы.

Судя по взгляду, я снова ввёл его в ступор.

– Так если без разницы, позвольте мне просто делать свою работу. Моё участие в любом случае необходимо. Вам может грозить срок свыше 15 лет.

Теперь вздохнул уже я.

– Хорошо. От меня что требуется?

– Расскажите, как всё произошло. По протоколу, вас заключили под стражу на месте преступления... – он стал вчитываться в протокол, – ...трое убитых – предварительно, граждан...

– Можете не перечислять, всё верно.

Он смолк, но продолжил читать для себя и, не сдержавшись, удивлённо прочитал вслух:

– ...обезглавленный путём перерезания щёк и разрыва челюсти...

Он поднял на меня тревожный взгляд.

– Вы можете позвать полицейского обратно, я не обижусь.

Пропустив предложение мимо ушей, он озвучил следующую выдержку громче и шокированнее:

– ...был сыном майора полиции...?! Да вы издеваетесь надо мной... – адвокат выпустил бумагу из рук и уронил на них голову, продолжая читать, – ...сыном подполковника внутренних дел, ранее работавшим в исправительной колонии... был доставлен в больницу без сознания... на-на-на... подозреваемый совершил попытку суицида на месте преступления...

Он накрыл рот рукой и пустым взглядом уставился перед собой сквозь меня. Сидел так какое-то время, прежде чем с великим осознанием вновь не заговорил:

– Так вот почему все от тебя отказались, так ещё и мне не дали состав прочитать... Уё... Любимые коллеги...

Энтузиазм улетучился так же быстро, как и формальности.

– Вы можете тоже от меня отказаться?

– Какой там?! Это же... моё первое серьёзное дело... Если я откажусь сейчас, так и буду разводы до конца жизни вести и делить кота... – он простонал в потолок, взъерошивая расчёсанные волосы.

– Сочувствую...? – не зная, что сказать разочарованному адвокату, я лишь поднял брови, всеми силами стараясь избежать своего отражения слева.

– Ладно. Хорошо, – он прокашлялся. – Для начала пройдемся по составу ещё раз. С твоих слов. Как всё было?

– У вас же всё написано.

– Догадки следствия. Нужны детали.

Я вздохнул. Отвёл взгляд на дверь.

– Я был на работе. Максим... – произносить это имя было тяжело. Хотя я и не успел, не хотел причинять ему вред – я был в шаге от этого. – Он не выходил на связь. Я приехал. Мне позвонили с его номера. Вы можете проверить звонок. Эти трое... – сглатывая оскорбление и делая вдох, я продолжил спокойнее. Сквозь сжатые зубы, – они избивали его. Долго. Смеялись в трубку, думая, что я в другом городе. Что я не успею. Но я был рядом. Когда я пришёл, Максим уже едва был в сознании...

– И ты выбрал убить троих человек вместо того, чтобы вызвать полицию?

– Я не подумал. Я просто... сделал.

– Что сделал?! Убил?

На его повышенный тон я лишь снова сжал зубы. Зрачки забегали от напряжения.

– Я раскаиваюсь. Я не должен был убивать людей...

– Но?

– ...но, когда увидел еле-живым своего единственного друга, стало плевать на последствия. Если бы я мог остановиться, я бы сделал это. Но вернись я обратно – результат бы не изменился.

Борис прикрыл глаза и сложил перед собой руки. Заговорил быстро и сбивчиво.

– Влад, я могу называть тебя Владом? – я кивнул. – Хорошо, итак, Влад. Давай договоримся. Ты никогда и ни при каких обстоятельствах не будешь упоминать последнее.

– Не буду говорить, что *убил бы ещё раз тех, кто посмел тронуть моего близкого человека?* Хорошо.

Борис нервно сглотнул. Убрал руки под стол. Снова положил обратно. Потёр висок, заглядывая в бумаги.

– Ладно, давай дальше.

– Что дальше?

– По хронологии дальше. Детали помнишь?

Помнил смутно. Но уже выбрал тактику, в которой провалов в памяти нет. Расходящиеся показания быстро вскроются.

– Он лежал без сознания... Трое убитых, смеясь, удалялись. Видимо, только отошли. Я напал сзади на одного из них. Остальные двое пытались оторвать нас друг от друга. Потом кто-то приложил арматурой по голове... дальше... я кажется...

Уверенность сыпалась. Между встречей и убийством происходило что-то ещё. Было что-то ещё.

– Провалы в памяти?

– Нет, просто всё происходило быстро.

Он промычал, соглашаясь со своими мыслями. Мне это не нравилось.

– Что было в звонке?

– Кто-то из них в красках описывал, как они избивали Макса. Говорили ждать своей очереди.

– Провоцировали?

– Да.

– Так, слушай, всё не настолько плохо! – он деловито хмыкнул. – Если была провокация, это уже смягчение. Я бы так же подал заявку на проведение экспертизы на состояние аффекта. Исходя из сказанного... А в каких отношения вы находились? С убитыми и с потерпевшим.

– Мы с Максом и Марком были одноклассниками, остальных я видел впервые. У них постоянно происходили драки ещё до меня. Когда мы сблизились, он начал наседать на нас в общем.

– По какой причине?

Я тяжело вздохнул.

– Догадайтесь.

Он нахмурился. Поморгал. Осторожно предположил:

– Вы с потерпевшим состоите в... романтических отношениях?

– По мнению убитого – да.

– Значит это он долгое время провоцировал?

– Можно и так выразиться.

– Тогда это пойдёт только в подтверждение состояния аффекта. Сможем изложить всё так, что это стало последней каплей.

– И что будет в итоге?

– Срок может сократиться до 5 лет. Как непреднамеренное в состоянии аффекта. Главное, чтобы свидетель подтвердил твои слова. Я запрошу запись телефонного разговора, – в более приподнятом теперь настроении он делал записи в блокноте. Пришлось разочаровать.

– Я ответил, что убью его.

Он остановился.

– В звонке?

Кивнул. Адвокат поджал губы. Было видно – это сильно усложнило задачу.

– Значит перевес на преднамеренное... – он постучал кончиком ручки по виску. – Стоп, вы с... Марком Хмуровым и Максимом Мироновым были одноклассниками?

– Да.

Не прекращая хмуриться, он зачитал очередную выдержку:

– Возраст погибшего 17 лет. Пострадавшему – 18 полных. Тебе 20. Я юрист, но у меня всё хорошо с математикой.

– У меня на счету два суицида с длительным восстановлением. Макс... кажется, в детстве что-то было.

Я не стал вдаваться в подробности личной жизни последнего. Если это будет необходимо – детали расскажет он сам. Сейчас это к делу отношения не имеет.

– Чем вызваны попытки суицида?

– Плохо складывались отношения с родителями и окружающими в целом. Я, если вы не заметили, выгляжу странно.

Он задумчиво кивнул.

– Состоишь на учёте психиатра?

– Рекомендовали, но я не посещал. Если вы хотите узнать о психических отклонениях, только ПТСР.

– На фоне чего развился?

Я увёл взгляд в сторону. Слишком много факторов. Подробно всё изложено в личном деле, но к нему я, кажется, и не прикасался.

– Вроде бы, диагноз поставили в лет... десять... – я отмахнулся, стараясь произнести весь ряд как можно быстрее и вновь забыть о его существовании. – Там совокупность. Сначала смерть сестры, потом отец пить начал, избивать нас с матерью по очереди. Там и она уже не выдерживала.

– Что стало с сестрой?

– Я не хочу об этом говорить. Очень плохо помню.

Я помнил всё идеально. Каждую секунду до, во время и после. Конечно, поначалу, детский мозг блокировал воспоминания. Но пара неосторожных фраз родителей там – пара тут, и я уже вижу её взгляд с криком о помощи. Глаза, в которых пришло понимание, что под ногами лишь 20 метров высоты. Она падала, крича моё имя. Чем дальше я погружаюсь в воспоминания, тем больше боюсь поворачивать голову влево. Тем громче становится в помещении. Надо успокоиться. Потом. Вспомню об этом потом.

По долгому взгляду Бориса понял, что пропустил вопрос. Поднял на него тревожный взгляд. Я должен взять себя в руки. Это уже закончилось тремя убийствами. Хватит. Вдох. Дышать. Наручники лязгнули от произвольного резкого движения. Плохо. Возьми себя в руки. Успокойся. Сейчас не это главное. Я должен закончить этот разговор.

– Что вы спросили? – прикрыв глаза натужно спокойно протянул я.

– Тебя здесь избивают?

– С чего вы взяли? – я задал вопрос почти искренне, не успев сложить в голове причинно-следственные связи. Он скептически оглядел мой внешний вид. Свежая кровь под носом и шишка в районе виска отвечали красноречиво.

– Ты убил сына майора полиции и сына подполковника внутренних дел на пенсии, – будто я мог об этом забыть, он надавил интонацией.

Я вздохнул, уведя взгляд вверх. Понимал, на что он намекал, но также ясно понимал и мотив окружающих. Превышение полномочий? Я, чёрт возьми, отнял жизнь! Хотя моральным принципам это и противоречит – я никого из них не осуждаю. Даже если оба сына были при жизни последними тварями.

– А второй кто?

– Отец Марка Хмурова – Виталий Хмуров. И, если он до сих пор тебя не навестил, он это сделает.

– Я не понимаю о чём вы, – новых проблем не хотелось. – Со мной обращаются в соответствии с моими правами. Ни больше ни меньше.

Он поджал губы. Я говорил спокойно. Хотя, мне кажется, любая моя интонация, в том числе и отсутствие вообще каких-либо слов, будет выводить из себя каждого. И в этом тоже виноват я сам.

Борис заикнулся, чтобы задать следующий вопрос. В дверь затарабанили.

– У вас всё в порядке?

– Да! – он устало протёр лицо рукой, прежде чем продолжить. – Мы заканчиваем.

В помещение вошёл сотрудник, впустивший до этого Бориса. Встал на старое место у стены. Если и он решил прописать мне пару ласковых – пусть делает это осторожнее. Уборщицу жалко.

Адвокат встал. Сгрёб бумаги. По-деловому обратился ко мне.

– Сейчас остаётся ждать, когда суд ответит на заявку. Обычно это решается в первые двое суток. В редких случаях до пяти. Потом вас переведут в СИЗО, в следующий раз встретимся уже там.

Не оправдав мои ожидания, сотрудник молча сковал мне руки сзади и повёл прочь. Разве что наклониться вынудил ниже. На этот раз конечной точкой стала уже знакомая камера. Руки освободили. Втолкнули. Напомнили о том, что из разрешённого здесь только стояние на ногах до отбоя. Подвешенная справа шконка была прикована к стене.

– Не скучай, все два квадратных метра для персональной прогулки, – едко оповестил сотрудник, прежде чем уйти прочь.

Простояв в середине комнаты некоторое время, я пожалел лишь об одном – не спросил, сколько времени здесь нахожусь, да и в целом хотелось бы знать точное время.

Пространство густело. Вскоре я понял, что сгущаются мои мысли. Они начинали расти и множиться, давя на голову. Давя друг на друга. Это не обычный провал из реальности внутрь себя. Это реальность, в которой есть только я и всё со мной связанное.

Они грызли изнутри. Бесновались. Они. *Они*.

Ноги подкашивались. Машинальным желанием было свернуться на полу. Я стоял. Стоял. Мне сказали стоять.

Я убил. Я. Своими руками. Ломал шею. Резал плоть. Разрывал её.

К горлу подкатила тошнота. Внутренности сжались и запищали.

Мне это... нравилось? Я чувствовал упоение. Меня провоцировали их крики. А правда ли я делал это ради спасения?

Повело. Колени дрожали, норовя согнуться и удариться об пол.

– *Тебе приказали стоять.*

Удар. Так сильно забило сердце. С каждым ударом в глазах темнело. *Он* снова говорит со мной. Стальным стержнем выпрямилось всё тело. Я накрыл рот руками. Я молчал. Так почему я слышу свой голос? В камере никого нет, но я слышу чужие голоса. Так громко. Так близко. Изнутри. Снаружи.

Держать себя в руках. В руках.

Паника. Как от них избавиться? Нечем. Негде. Ничего нет.

– *Он и впрямь кричал так громко?*

– Нет... – попятился. Решётка.

Череда громких звуков. Железные.

– К решётке не прислоняться!

Я не обернулся. Шаг вперёд. Ещё. Стена. Шершавая. Холодная. Ногтями впился в камень. Больно.

– *Им тоже было больно?*

Больнее. Должно быть больнее.

Как мне это сделать? Отсутствие боли. Моя пытка. *Он* знает. Стоять и слушать. Чувствовать *их* слова. *Его* слова и волю. Я хочу. Я жажду сопротивления. Я не могу.

Пальцы спутались в волосах. Клок упал на пол. *Думай. Думай.* Что ты можешь сделать? *Что ты можешь сделать?*

Он вторил мне с насмешкой. *Он* привёл меня к этому. Всегда приводит. Нельзя идти на поводу. Я не говорил это себе столько раз никогда. Это было ошибкой. Я должен был сильнее противиться. Никогда не принимать его помощь. Не сближаться. Не давать рычагов давления.

Я сам вручил ему нити. Я должен их перерезать. Я должен так много. Я не выдержу. Сорвусь. Снова. Я.

ГЛАВА 2

Если человек убивает другого, освобождает ли он его от тягот жизни? Или же он освобождает себя от этого человека рядом? Себя, товарища, потенциальных жертв. Если человек при жизни только и делал, что создавал проблемы, гуманно ли избавить человечество от такого индивидуума?

А гуманно ли отнимать жизни? Отсутствие или кража выбора. Люди меняются или не меняются. Заранее знать нельзя. И ты смеешь делать этот выбор за него? Решаешь сам, что он продолжит вершить беспредел?

Будущее туманно. Я не знал, изменят ли взгляды на жизнь те, кого убил. Научат ли их последствия действий. Или же напротив – только наполнят злостью и обидой. Я не мог рисковать. Если они совершили это однажды и остались целы – не сигнал ли это к тому, чтобы попробовать снова, но уже с большей осторожностью? А я совершу это снова?

Сон не шёл. Казалось бы, усталость граничила с бессилием, но закрыть глаза на долго не получалось. То ли из-за мгновенно возникающих образов в голове, то ли просто физиологически. Рука сжимала левое бедро каждый раз, когда нарушалась тишина. И было неважно – топот ли это за пределами камеры, громкие разговоры сотрудников полиции между собой или нечто иное. Красное пятно продолжало растекаться на одежде, пока серый потолок никак не менялся. Лишь иногда раздваивался, когда я терял фокус внимания. Порой вздрагивал, если дежурный, проходящий мимо моей камеры, решал провести чем-нибудь по прутьям, ясно давая понять своё отношение. Совсем не удивительным является факт того, что весь персонал был в курсе моего дела. Вели себя все соответствующе. Из уважения к сослуживцу или из искренней ненависти к моей персоне? А может из солидарности. Причина, в сущности, не важна.

Течение времени не ощущалось. Оно будто застыло. Из раза в раз повторяющиеся с, казалось бы, одинаковой периодичностью удары по решётке создавали впечатление закольцованности.

Я. Мои мысли. Попытка закрыть глаза. Лязг. Разговор. Я. Мои мысли. Попытка закрыть глаза. Лязг. Разговор. Снова я. Снова мысли. Тот же звук. Я поднял руки – пытался разорвать цикл. Смотрел на них долго и неотрывно. Запёкшаяся кровь под ногтями, оцарапанные ладони, сбитые костяшки. Кровь на рукаве.

Лязг. Теперь голос обращался ко мне.

– Подъём!

Ночь прошла. Нет. Проползла. Значит прошли сутки. Я встал.

– Лицом к стене, руки за спину.

Мужчина отомкнул камеру. Я и не думал, что стану ощущать облегчение от визита. Выполнил его приказ. Лба коснулся прохладный бетон. Слышал, как звенели замки. Обернулся – шконку снова пристегнули к стене. Больше всего давило то, что деть себя было некуда. Нельзя было опереться на стену. Стоять нужно было ровно. Либо ходить. Три шага вперёд и столько же назад. Руки сами собой находили друг друга за спиной. Отвлечься можно разве что на счёт – шагов, трещин, прутьев. Последние заканчивались быстро. Кажется, если это доконает меня окончательно – я стану считать волосы на голове. Они, к слову, выглядели хуже меня всего. Отражающих поверхностей, к счастью, не было, и лицезреть себя мне не приходилось. Просто знал – зрелище жалкое и весьма неприятное.

Хотелось двигаться дальше. Не в том смысле, в котором это понимают обычно. А в буквальном. Просто идти. Бесконечно идти куда лучше, чем бесконечно стоять. Хотелось хотя бы сменить локацию. Пусть это будет точно такая же камера, но я хотел пройти до неё даже два таких же унылых метра. До попадания сюда, в целом, не задумывался о том, что могу стать готовым идти куда угодно – лишь бы ощущать время.

А если повернуться спиной к выходу, казалось будто я вовсе в картинке. Это не видео-ряд – здесь ничего не движется. Это фотография. Фотография с самым скучным сюжетом, в который постепенно врастаешь.

– *Теперь ты мечтаешь о людях?*

Конечно. Долго я не смог продержаться. Они снова настигли. Сдерживай или нет – вопрос времени, когда я потеряю бдительность. Зубы закрипели. Я был зол. Зол на себя и своё чувство облегчения. Я не должен стремиться к ним. Но эта заспиртованная картина вынуждает хотеть любого изменения.

– *Или мечтаешь об убийствах?*

Нет.

– *Пусть не вслух, но мы то знаем...*

– *...что ты испытываешь трепет...*

– *...когда вспоминаешь об отпечатках пульса на пальцах...*

– Нет.

Собственный голос показался настолько громким, что лишь в этот момент я понял, насколько гробовая тишина окутала меня.

– *Разве запах крови до сих пор не ощущается?*

Ощущается, но не из-за жажды. Я чую кровь – фантомную или свою – неважно. Ничего больше неважно.

– Я не настолько отчаялся, чтобы вести с вами светские беседы... – тихо прошипел я. Голова начинала болеть от потока чужого шёпота. Невольно вновь заскрёб ногтями стену. Бесполезно.

Будто до этого мне дали перерыв, чтобы я с новой силой стал шептать под нос мантру о том, насколько важно держать себя в руках. Стены сжимались. Места становилось всё меньше и меньше. Дышать труднее. Глубокий вздох сделать не удавалось. Руки оттягивали ворот кофты. Или, наоборот, сжимали. Было не разобрать.

Обратно. Снова в тишину. Оглушающую. Равномерный звон. Распахнул глаза. Задышал. Почему отпустило? Скрежет. Резко обернулся. Кто-то заходит. Дежавю.

– Сковать, – суровый приказ. Голос на взводе.

– Лицом к стене!

Пришли. Третий человек, не молча жаждущий моих страданий, а вполне активно действующий. Я лишь отвернул голову и опустил руки. Туго сжатые наручники укусили запястья. Всего мгновение и сверху их обвила сильная мужская рука. Потянув вверх, он заставил нагнуться. Я едва не прочесал лбом по стене. В позвоночник ударился острый локоть. Грудная клетка задрожала. Ноги подкосились.

– Ты убил моего сына?!

Колени стукнулись о пол. Я опустил голову, скрывая гримасу боли.

– По всей...видимости...

– Мразь.

Снова волосы. От них надо избавиться при первой же возможности.

– За что?

Я расценил вопрос риторическим, но мужчина ждал ответа – на это указывал пристальный взгляд и нервное дёрганье. Ответ нашёлся сам собой.

– У вас с сыном... я смотрю... одинаковый подход к избиению.

Удар по лицу. Ответ не понравился.

– Собрать толпу... и обездвигить... Предыдущие в одиночку справлялись...

Истерический смешок вырвался сам собой. Он швырнул меня об пол. Конечно, когда убийца твоего сына смеётся тебе в лицо, самообладание теряется. Он ногой перевернул меня

на спину, тогда я понял, в чём его задумка. Преодолевая подошву на горле, я всё же смог прохрипеть:

– Вендетты... хочешь...?

Стоило отдать ему должное – даже убитый горем, он держал себя в руках лучше моего. Надавливал равномерно – этого недостаточно, чтобы сломать, но достаточно, чтобы придушить.

А он чувствовал себя так же, как и я теперь на его месте? Физически, скорее всего, да. Но я знал, что меня не убьют. Слишком громко. Круг подозреваемых сузится ещё быстрее, чем вокруг меня.

Когда нехватка кислорода становилась фатальной, он дождался, чтобы я начал дёргаться и сопротивляться, прежде чем отпустить. Не давая сделать полный вдох, одаривал парой ударов в рёбра. Потом снова душил. Со счёта предсмертных состояний я сбился. Он говорил. Много говорил. Я не слышал, но мог представить. Наверняка мало чего нового. Я терялся в ощущениях. Боль в шее, лёгких, ломающиеся рёбра и горящие руки. Силы даже на произвольные извивания уже заканчивались. Будто подумав, что я близок к тому, чтобы перестать реагировать вообще на что либо, он отошёл. Тело, уже привыкшее к тому, что за глотком воздуха следует удар, не сразу сделало вдох. Я закашлялся. Перевернулся на бок. Снова пронзило ударом тока в груди. Вернулся на спину. Дышал так громко, что не слышал стук сердца. Голова безвольно лежала на бетоне, позволяя наблюдать за тремя фигурами в метре. Хотя скорее за их ногами. Кажется, они уверяли друг друга в том, что я за всё поплачусь. И они были чертовски правы. Сигаретный дым заполнил камеру. Даже разбавленный кислородом, обжёг лёгкие.

Спустя одну сигарету обо мне вспомнили. Окурочек упал на щеку. Сверху его притоптала подошва. Непогасший пепел укусил ощутимо, но недостаточно, чтобы вызвать реакцию. Я насилу поднял взгляд, когда подошва сошла с моего лица. Узнал. Это первый. Кажется... не могу вспомнить фамилию.

– Майор полиции Васильев, – будто угадав мои мысли, он представился, усмехнувшись и оскалившись, – значит, обращаемся мы тут с тобой плохо? Не по уставу, значит?

– Я этого не говор... – договорить не дало шипение от боли. Рана на ноге, которую я и без того без конца мучил, ощутила на себе обувь того, кто её оставил. С пристрастием он вжимал в неё носок ботинка.

– Неужели? – наигранно удивился он. – Значит адвокатишка в углу где-то засел и наблюдает?

Я сжал челюсть.

– Я ему ничего не гово...

– Врёшь.

– А вы попробуйте по видимым местам не бить. Сука... – не сдержавшись, простонал.

– Значит, думаешь, под одежду бить надо? Дельный совет, дельный. Я прислушаюсь.

Рёбра с правой стороны, казалось, уже могли быть вдребезги. Будто подумав о том же, мужчина перешагнул через меня и встал с другой стороны. Надеяться, конечно, именно на такой мотив было глупо, потому что следующим действием он вынудил перевернуться на живот. В позвоночник упёрлось колено. Волосы намотались на руку. Я точно их отстригу.

Скрипящий скальп и пульсирующая боль в спине. Он будто преследовал цель согнуть меня надвое.

– Помнишь меня?

Слева наклонился следователь, разговаривающий со мной до адвоката.

– Припоминаю... – насилу ответил я.

– У нас было не так много времени на беседу...

– Камеры... быстро вклю... чили? – я оскалился. Быстро пожалел. Позвоночник рисковал согнуться под прямым углом прямо над коленом майора.

– Кто адвокат у него?

От боли голоса всех троих казались предельно одинаковыми, но я вычленил, что пренебрежительный ответ на вопрос дал следователь.

– Бауманов какой-то. Первый раз вижу, зелёный ещё, – он вновь наклонился ко мне и небрежно, по-издевательски, похлопал по щеке. – Так что не видать тебе смягчения приговора, как своих ушей.

– Да мне... в целом... похуй...

Хватка ослабла резко. По инерции под давлением корпус подался вперёд. Едва успев повернуть голову, впечатался скулой в бетон. Сразу же вернули в исходное положение. Я понял – ответ не понравился.

– Что-то тихо ты кричишь, – прошипел над головой майор. Так и знал, что надо было держать язык за зубами.

– Ты же знаешь, что твой сын изнасиловал троих несовершеннолетних девушек?

– Откуда... – от прозвучавшей информации майор растерялся, ослабил давление. Позвончик со скрипом вернулся в естественное положение.

– И что паре товарищей твоим огнестрелом колени пробил?

– Его оправдали!

– Кто? Ты? Твои сослуживцы? Сколько из них в этой камере?

Вместо ответа пинок в солнечное сплетение. Будто целился. Дыхание остановилось. Зрение потухло. Мужчины расступились. Голоса слышались сквозь воду.

– Ты не п...старался? Жмурик только ...мание привлеч...

– Это не дол... было в...ти за преде... участка.

– Думаешь расс...?

– ...о всём молчит зачем-то.

– Да и кто ему по...ит?

– Адвокатишка его рыть начнёт. Мотив под...

– Нет... Я на лапу дал, ...адо. Все молчать бу...

Стихли. Понемногу дыхание возвращалось. В голове бил колокол. С усилием перевернулся на спину. Прищурившись, повернул голову влево. Не ушли. Три пары глаз замерли и смотрели.

– Никто мне не рассказывал... – отдышка мешала говорить целыми предложениями, – ...просто знаю, что оба ваших сынка те ещё уёбки... – вернул взгляд в потолок, – ...мы все это знаем.

Молчание. Выдохлись что ли? Я думал эта фраза входит в список фраз «фас».

– И за это стоило убивать? – горечь в голосе.

Пробрало.

– Нет.

– Тогда почему? – он ринулся ко мне, подхватил за грудки и припечатал к стене. В упор глядели до боли печальные глаза. – Почему ты просто не вызвал ментов? Почему?! – чем громче был вопрос – тем крепче сжимались кулаки. – Такая принципиальная мразь, как ты, топила бы до последнего. Я бы просто посадил своего сына! А не похоронил бы!

– Я не знаю. Я просто сделал.

Финальная нота. В глазах была тоска. Несправедливость. Гнев и агония металась в лучах. Он уже выпустил всё то, что было снаружи. Из глубины больше нечего достать. Руки опустились. Шаг назад. Я едва устоял. Взгляды не отрывались друг от друга. Столько попыток исправить сына, увести на правильный путь, преподать урок. И всё закончилось смертью. Жестокой и бесчестной. Похоронами в закрытом гробу.

Он отвернулся. Дрогнули широкие плечи. Вышел. Оставшиеся делили напополам мой взгляд, пока не вышли следом, кинув напоследок:

– Продолжай стоять.

Ничего не закончилось. Это не было актом смирения или принятия. Это было актом чувства горечи утраты. Гнев вспыхнет с новой силой. Нужно лишь дать ему время накопиться.

Я смотрел на незакрытую дверь – её даже символически не захлопнули. Чуть погодя в быстром темпе подошёл молодой сотрудник полиции. Испуганно огляделся и спешно стал закрывать дверь. Я решил к нему обратиться.

– Расстегнёте?

Он вздрогнул. Повернулся в сторону, глазами спрашивая приказа. Кивнул. Так же суетливо отпер.

– Лицом к стене.

Трясущимися руками, видимо, испугался, что заключённый мог выйти, расправился с замком на наручниках. Расставаться с ними было больно физически. Дождался, пока тот выйдет, только потом поднял руки и оглядел. Круговые раны сильно кровили. Кисти приобрели синеватый оттенок, усыпанный кровоподтёками.

Запереть камеру полицейскому снова не дали. Обращающийся остался за пределами видимости, но по голосу я опознал следователя.

– Ты сегодня за конвоира?

– Так точно!

– Отведи этого в душевые, потом на встречу.

– Есть! – сходу ответил он, после чего озадаченно уставился на наручники, которые только что снял.

– Да так его, – я разглядел руку, которой он отмахнулся.

– Так из карцера же...

– Ты приказ слышал? Выполнять.

– Так точно, – ответил напоследок следователю и обернулся ко мне. – На выход. Руки за спину.

Я был настолько же озадачен, как и конвоир. Избить до полусмерти и велеть отмыть? Встреча? Пазл не складывался. Так или иначе, в душевой я оказался.

– 15 минут. Вода холодная.

Отключили специально, или совпадение? С каждой секундой всё больше начинал относиться ко всему с подозрением и выискивать второе дно. Хотя холодная вода оказалась кстати – горящие рёбра и спина были не против прохлады. В целом сейчас болело всё и одновременно. Из-за плохого ощущения температуры различий вовсе не было. Обтираясь полотенцем, обнаружил зеркало у дальней стены. Гематома занимала всю площадь груди слева. Такая же на бедре вокруг раны. Шея мало отличалась своим фиолетовым оттенком. Небольшим пятном был ожог на щеке. Отмытые от крови запястья присоединились к цветовой гамме. Развернулся и глянул на спину, усыпанную всё тем же. Один большой синяк разместился прямо посередине. Осматривая себя, невольно вернулся в подростковый возраст к воспоминанию о фиолетовых волосах. Много воды утекло с того времени. Много во мне было другим.

Едва я оделся, в душевые открылась дверь. Снова следователь. Я напрягся, но тот лишь кинул в ноги какую-то чёрную вещь.

– Наденешь, старое сдашь.

Стиснув зубы, наклонился. Развернул. Кофта с горлом. Чертовски верное решение. Не изменившись в лице, стянул свою. Координация была плохой. Суставы ватными. Когда снова оделся, следователя уже не было.

Конвоир вопросов не задавал. В целом хранил опасливое молчание – либо потому, что был в курсе событий, либо из-за обратного. Мысленно я склонялся к последнему. Молодой сотрудник, значит плохо знаком с сослуживцами, о делах начальства и вовсе мог не знать. Целесообразно молчал.

Завели в комнату, которую надвое разделяла решётка. В противоположной части сидела женщина. Не сумев скрыть удивления, узнал в ней свою мать.

– Мам?

Она встрепелулась, заозиралась. Так же удивлённо уставилась на меня. Пока конвоир менял положение рук в наручниках, мы молча сверлили друг друга взглядами. Я не понимал, почему она пришла. Ну, вернее, понимал – это и дураку ясно. Но до последнего мне казалось, что она не осмелится. И без того всегда опасалась. Так же не понимал, почему её в целом ко мне пустили. Она не настойчивая, я не просил встречи – могли просто не дать разрешение. Должны были не давать.

– Что с твоим лицом? – тонко протянула она. Её рука поднялась, но быстро одёрнулась, так и не рискнув меня коснуться. Да и не дотянулась бы.

– Я... – слова почему-то застряли. Глядя в дрожащие глаза, я давился ответом. – Так получилось, мам, – тихо.

– Разве так может получиться?

– Как оказалось, – я грустно усмехнулся. Виновато опустил взгляд.

– Ко мне пришли домой полицейские, и сказали, что тебя задержали по подозрению в убийстве троих ребят. Прошу, скажи, что это не так...

– Я не могу.

Она прикрыла глаза и глубоко вздохнула. Затеребила в руках носовой платок. Сдерживает слёзы. Ком застрял в горле. То ли по той же причине, то ли от желания кричать. Я подавил его.

– Ты знаешь, как там Макс? – руки задрожали от смелости, наконец, спросить об этом.

– Он в больнице, – голос дрожал, – Марина сказала, что ему больно даже дышать, но следователь сегодня поедет к нему опросить.

– Как она?

– Плачет. Много плачет. Серёжа хмурее тучи.

Родители. Другого я не ожидал. Спросил просто на автомате. Больше спрашивать не осмелился, хоть и жаждал подробностей. Чего таить – хотел знать, как изменилось их ко мне отношение. Что-то внутри подсказывало, что на данный момент не осталось людей, испытывающих ко мне что-либо, кроме отвращения. И это было заслужено. Нет, я не устану об этом говорить.

– У тебя... здесь всё хорошо? – было видно, что она пыталась задать вопрос по-другому, но не сумела избежать иронии. Видимо, напрягала обстановка. Конвоир вроде и пытался слиться с местностью, но забыть о себе не давал.

– Да, не переживай, – ответил я, прячущий следы избиения под чужой одеждой. Это было не в новинку, поэтому особых чувств не вызывало.

Моя мать – женщина с тяжёлой судьбой, оставившей на ней неизгладимые следы всего пережитого. Я лишь смутно помню её беззаботной, молодой и лёгкой. Половину этих качеств отнял сам, хоть и не по своей воле. Вторую забрал отец. Она тревожна, тиха и опаслива. Много чего забывает. Потому что просто не хочет помнить. Либо потому что разум привык жить в страхе. Я не хотел стать последней каплей. Ужас пробирает до костей, едва мне стоит задуматься о том, чтобы совсем оставить её одну. Совсем. Если до этого я не мог представить, что она будет испытывать – то сейчас представляю многократно умноженные мои страдания в карцере. Карцер на воле. Она может сесть, выйти на улицу, переброситься парой слов с соседкой, но в груди зияет пустота. Щемит сердце. В такие моменты видишь один выход.

Тогда решил:

– Вы с Мариной общаетесь?

Она кивнула.

– Продолжайте, пожалуйста. Они очень хорошие люди. Я не хочу, чтобы ты проживала это одна.

Она хлопала глазами, приоткрыв рот. Искала ответ.

– Я... Мои действия не должны отражаться на тебе.

– Они не отражаются... – неуверенно протянула в ответ. Я грустно усмехнулся ей в глаза. Отражаются. Конечно отражаются.

– Живи дальше. Просто представь, что я переехал. В другой город. Это почти так. Пожалуйста, – я смотрел на неё почти умоляя.

Конечно, больше мне хотелось говорить это не ей. Не настолько прямо просить. Хотелось сказать это Марине, попросить не дать моей матери угаснуть в одиночестве. Она действительно этого не заслужила.

Закончили. То ли мою попытку – то ли её. Снова камера. Складывалось ощущение, что количество моих возвращений сюда равно проведённым дням. Больше в этот день посетителей не было. Одни лишь стены и потолок. Я продолжал думать о том же. Казалось, нужно было сделать выводы, а вот какие – не ясно. Отбой. Можно лечь. Рёбра вспомнили, как близко они сегодня познакомились с чужой обувью. Дышать было тяжело. Стойко не роняя и звука, сел. Коснулся рукой. Вся левая сторона горела. Это скоро должно пройти. Если визиты продолжатся – станет трудно скрывать переломы. В целом трудно скрывать происходящее, о котором и без того все догадываются. В конце концов, по моему личному мнению, моя смерть не вызвала бы сильного диссонанса, если бы её изложили как суицид. Одинокая камера, заключённый не в себе. Всё как по маслу накладывается на неадекватное поведение после осознания совершённого. Но жизнь сохранили. Зачем? Они явно лучше меня.

Вот опять. Из раза в раз внутренний монолог возвращается к одному и тому же. И с первого раза было всё понятно, зачем так долго мусолить свои мысли?

Затылок коснулся холодной стены. Глаза закрывались сами собой. Нужно было отдохнуть. Едва сон накрыл сознание, тело дёрнулось. Я тихо выругался. Не хватало ещё этого. По правде сказать, сейчас не к месту было бы что угодно. Но моё мнение где только не вертелось, поэтому это самое «что угодно» считало, что оно крайне гармонично вписывается в ситуацию. Глаза вновь закрылись под меланхоличные выяснения отношений с самим собой.

Вздрыгнул. Недовольно вздохнул. Вчера я сам не давал себе спать, теперь это сделать не получается вовсе. Стоило лишь подумать, что во сне время не будет тянуться так долго.

Наконец, сон настиг. Тягучий. Неприятный. В нём не хватало воздуха и света. Не хватало присущей обычному сну тишины. Не хватало способности ответить. Сопротивляться. Казалось, будто я периодически открывал глаза и видел камеру. Видел входящих внутрь людей. Одного, двух, трёх, пятерых. Вот их уже было столько, что я не понимал, как они поместились в этом месте. Лица разглядеть не получалось. Только глаза горели и смотрели в упор. Хотелось сжаться и отвернуться. Но я не мог. Застыл и смотрел в ответ, пока их взгляды пронзали насквозь. Сбоку кто-то шептал. Их опять было много. Опять неразборчиво все разом они что-то говорили. Что-то хотели. То, чего я дать не мог, как это часто бывает. Тени сгустились и запеленили взгляд. Исчезли. Приглушённый свет мозолил глаза. Голова всё ещё была ватной, мысли путались, цепочки были нелогичными. Думать было тяжело. Кадр менялся быстро, будто проникал в другой и замещал его. Темнота менялась с видом камеры. Потом улица. Моя комната. Улица. Голова шла кругом. Дёрнул рукой, безвольно лежащей на боку. Движение отдалось судорогой. В голове зазвенел колокол. Шум воды. По прутьям снова кто-то ударил. Ещё раз. Крик. Сердце бешено заколотило в грудную клетку, и без того горевшую от боли. Этот крик.

– Ты убил меня! Почему ты убил меня?!

Второй голос отличался. Насмешка. Будто хотел спровоцировать вновь.

– Говоришь, сделал бы это снова?

Ответить не удавалось. Фразы стали отчётливо слышны. Наперебой вопрошали одно и то же. Если раньше в такие моменты мне доводилось выслушивать вопросы о причине смерти десятков не связанных со мной неуспокоенных – теперь выделялись трое конкретных. Я думал, что он должен был их забрать. Сожрать, растерзать – что угодно! Любую вещь, которую он делает с ними обычно. Но он их оставил. Оставил, потому что знает, что я стану реагировать. Что я буду ломаться.

– *Ты не будешь ломаться*, – снисходительно поддел, – *ты уже это делаешь*.

Вдох. Я едва не упал со своего спального места, когда, осознав способность к движению, сразу же ей воспользовался. Лёгкие продолжали гореть. Судорожно стал хвататься сам за себя, в попытке осознать реальность. Почувствовал спасительную боль. Стал успокаиваться.

– *Неужели так в тягость уделить мне пару часов в своём плотном графике?*

– Пошёл ты... – прошипел. Сразу одёрнул себя. Охранник не должен слышать полуночные разговоры с самим собой. В подтверждение послышались чёткие удары и суровый голос вышеупомянутого.

– Тишина.

Я машинально недовольно зыркнул. Осёкся. Вишенкой на торте будет, если и он решит, что мне нужно показать, где моё место.

– *А почему именно он должен показывать, где твоё место? Ты ведь конкретно ему ничего не сделал.*

Сколько бы я не проклинал эту тварь, капающую на мозг изо дня в день, сейчас с ним не согласиться было чертовски трудно. Лично я насолил конкретным людям. Уж не знаю сколько родственников было у убитых – этот человек им не являлся.

– *Приятно быть услышанным*, – он оскалился. Я сжал кулак. Нельзя его так поощрять. С другой стороны, не всегда получается охотно ставить под сомнение каждое его слово. – *Ты и не обязан сомневаться, если я прав.*

– Хватит... – снова пришлось прикусить язык после неосторожного восклица, – ...рыться в моей голове.

– Тишина! – настойчиво надавил надзиратель.

Молчи.

– Чем я вам мешаю? Я сам едва себя слышу. – почувствовал прокатившийся холодок до кончиков пальцев. Мужчина опешил от наглости – оно и понятно. Набрал в голос твёрдости.

– Ты ничего не попутал? В карцере разрешено спать во время отбоя – этим и занимайся.

– Я бы занялся, если бы вы каждые десять минут не трахали эту клетку.

– Тебе рассказать, где ты находишься?

– *Убей его.*

Я накрыл лицо дрожащими от раздражения руками. Растрёпывая волосы, простонал что-то нечленораздельное. Надзирателю всё больше не нравились мои действия. Наверняка со стороны казалось, будто у меня припадок, либо просто детские капризы, которые он терпеть не стал.

– Лицом к стене. Руки за спину.

Довёл. Можно было снова подумать, что виноват я в этом сам, но точка кипения, как выяснилось, у меня достигается весьма легко. Несмотря на это, я встал и выполнил указание, не сдержавшись от злой усмешки. Загремел замок. Кисти вновь обняли наручники. Раны стали заживать, прежней боли не было. По звукам догадался о приковывании шконки к стене.

– Раз выспался – пожалуйста. Гуляй.

Он вышел. Я обернулся.

– Наручники в подарок?

– Ох, совсем забыл... – он соорудил задумчивый вид, – впрочем, входить к заключённому без веской причины запрещается, – он оскалился и провернул ключ, запирая.

– А тебе то я что сделал? – медленно стал подходить к решётке. – Третий твоим был или что? Вроде все уже в порядке очереди поквитались.

– Если я захочу, – он угрожающе близко подошёл к прутьям с другой стороны, я сделал тоже самое, – за твой счёт значительно увеличу раскрываемость.

– Повесишь на меня ещё дел? Давай, расскажи, удиви! – руки в наручниках дёрнулись, не давая взмахнуть. – Кого я ещё мог убить?

– Поверь на слово, ублюдок, одна моя наводка – и ты сознаешься во всех грехах этого мира.

– Жду не дождусь.

Он ушёл, напоследок ударив дубинкой по металлу прямо у лица. Я мог лишь сердито дышать в ответ. Отошёл. Дёрнул руками. Скованность раздражала. Становилось жарко. Волосы липли к шее. Добавляли масла в огонь.

– *Они такие смелые только потому, что ты за решёткой...*

– А вот ты заткнись в первую очередь, – прошипел сквозь зубы, нутром почувствовав усмешку.

Да, раздражало. Да, злило. Беспомощность. Бессилие. Невозможность дать отпор. Ограничения сначала ментальные, теперь физические. И я готов терпеть – должен. Но как же печёт в груди.

Моя клетка снова открылась. Уже привычные «лицом к стене» и «на выход» выполнялись на автомате. Снова сильно выкрутили руки. Просто чтобы насолить. Привели в помещение со скамьёй. Там уже находилось человек десять. Сняли наручники. Видеть столько людей за раз было странно. Странно было их и слышать. Я отошёл к стене, молча наблюдал за опущенными головами. Новых людей продолжали приводить. Вскоре появились два сотрудника. Один держал в руках список и называл фамилии. Человека отводили к ширме, говорили раздеться и досматривали. После их поочереды уводили конвоиры. Дошла очередь и до меня. Много времени это не заняло – разделся, беглый взгляд, прощупали одежду, оделся. Вёл до автозака всё тот же конвоир и всё так же намереваясь вывернуть мне руки. Впихнул внутрь. Ещё несколько людей там уже находились. Почти все скамьи были заняты. Я растерялся – по-другому представлял перевоз заключённых. За рукав кто-то дёрнул вниз, я машинально сел, вопросительно оглянулся.

– Занимай, а то щас напихают, – проговорил мужчина средних лет. – Тебя чего ласточкой водят?

– Что?

– Ну так, – он сцепил руки сзади и наклонился, демонстрируя, – ласточкой. Запрещено так вообще.

– Не знаю, – я пожал плечами, – не нравлюсь, видимо.

Мужчина был чересчур энергичен. Слово тому – слово тому. Некоторые отмахивались, будто провели с ним уже немало времени, некоторые просто игнорировали, погружённые в себя. Людей продолжали приводить. Двери машины были распахнуты, по бокам стояли сотрудники в военной форме, отличающейся от той, в которой бегали остальные. Места становилось меньше. Постепенно маленькое пространство – меньше моей ненавистой камеры – заполняли стоящие люди. Вскоре привели женщину. Из машины выгнали всех стоячих и пару сидячих, чтобы вместе с ней мог зайти один из сотрудников. В углу, к которому её повели, я заметил металлический шкаф. Его открыли, внутри нашлась деревянная перекладина.

– В стакан девчонку... нехорошо это... – сочувственно покачал головой мужчина и, будто подумав, что мне это необходимо, пояснил. – Её щас там закроют, шо б в безопасности ехала, – он язвительно скривился и шмыгнул носом, – дай бог не задохнётся.

Так и случилось – узкий металлический шкаф с четырьмя дырками вверху закрыли на замок. Следом сразу же залезла вторая девушка – её поместили в соседний. Толпа вновь наполнила кузов. Двери машины закрыли. Простояв некоторое время, тронулись. Быстро, неаккуратно – водителю явно сказали, что наполнили багажник картошкой.

– Куда мы едем? – я задал вопрос своему соседу.

– Куда, куда? В СИЗО. Из ИВС либо туда, либо пешком до дома.

Я кивнул. Борис упоминал об этом. Стало интересно, найдут ли и там причину определить меня в карцер или что-то похожее?

– Ты первоходный что ли? – мужчина в упор уставился. Я испытывал смешанные чувства. В кузове царила атмосфера безнадёги, и этот разговорчивый мужчина не соответствовал картине.

– В каком смысле?

– Ну, первый раз на срок идёшь?

– Да.

– За что идёшь?

– Неважно... – я устало отмахнулся, пожалев, что начал разговор.

– Я вот за мошенничество еду. Третий раз уже. Угораздило ж, – он посмеялся. Я одарил его безразличным взглядом. Тот не унимался.

– По серьёзке повязали?

Вздыхнул. Прикрыл глаза. Сам же хотел компании – так развлекайся.

– За убийство.

– Эвоно как! – его причина, кажется, не смутила.

Ехали долго. Внутренние часы говорили о том, что прошло не меньше трёх часов. За это время такое большое количество людей выдышало весь кислород. Было адски душно. Большую часть времени тихо – когда мой сосед дремал. То ли ощущение поездки, то ли наличие людей вокруг не давали сходить с ума так, как в камере. Рёбра противно ныли на каждой кочке. Оно и к лучшему.

КАРАНТИН

Приехали. Всех выгнали. По сторонам оглядеться не дали – сразу завели в помещение. Стены, отделанные классическим образом – наполовину побелка, наполовину сине-зелёная краска – вгоняли в уныние. Локация представляла из себя что-то наподобие регистратуры. Там заключённые выстроились в имитацию очереди. Сотрудник спрашивал фамилии и безэмоционально отмечал что-то в журнале. Дальше велели раздеться. Обыскали одежду, будто из предыдущего места заключения можно было пронести что-нибудь с собой. Следующий кабинет. Опять врач. Этот выглядел стократно более безразличным к происходящему, чем предыдущий. Тот же список вопросов. Снова сняли на камеру. Лишних вопросов я не задавал, поэтому выяснить смысл процедуры фотосъёмки мне не посчастливилось.

– Этого побрить. Мне тут блохи не нужны.

Блохи. Даже не вши. Отношение формируется весьма чёткое. Вернули одежду. Не мою. На молчаливый взгляд надзиратель нехотя оповестил о том, что моя «не подходит». Иронично усмехнулся, про себя подумав, что следователь захотел вернуть обратно свою водолазку для сокрытия следов пыток. В целом чёрная футболка, явно не новая, оказалась удобнее – не стесывала то, что и без этого болело, хоть и оставляла на виду некоторые следы мести. Лёгкая куртка была накинута сверху. Под конвоем отвели дальше, глубже. Я не мог избавиться от предательского ощущения подвоха. Кажется, им удалось меня запугать. Злился на себя за это. Снова выстроились в очередь – на этот раз за постельным. Если бы я хоть раз бывал в детском лагере... Нет, даже так не сравнил бы эти места.

Камера. Четыре койки. Две сверху и две снизу. Раковина в углу. Стол. Пара стульев. Три пары глаз.

– Принимайте. Проинструктируете что да как.

– Начальник уже сам таким не занимается? – ехидно поддел один из заключённых.

– Делать мне нечего – с каждым возиться, – неожиданно отмахнулся надзиратель.

Тяжёлая металлическая дверь громко захлопнулась. Заскрипел засов.

Уставились.

– Не стесняйся, – прошелестел всё тот же, – верхняя твоя.

Все трое были старше меня. С первого взгляда могло показаться, что они и вовсе одинаковые – бритые головы, хитрые оскалы и татуировки. Однако, если приглядеться, можно различить как минимум то, что один был блондином – по виду моложе всех, лет 27. Второго отличали татуировки на шее, партаки, правильнее заметить. Даже если сильно постараться – тяжело понять, что именно там изображено. Третий самый старший. Взгляд был внимательным. Я бы вполне мог описать его, как опасный.

– Эх мужики, а я уж было издалека подумал, что к нам бабу ведут... Хоть и страшенькую.

Я молча закинул стопку на койку, реагировать было не нужно. От мысли, куда теперь себя девать, избавили моментально.

– Ты садись, не стесняйся, – на плечо надавил блондин. От него энергии исходило куда больше. Проблем я ждал от всех в равной степени. – Уж не серчай, впереди так много лет без женщин, об одном лишь и мечтаем.

– Обрежусь при первой возможности, чтобы душу не травить, – фраза вызвала смешки.

– Рассказывай, как звать тебя? Чем заслужил пятизвёздочный отель? – отозвался третий.

– Влад. Убийство.

– Неужели? Слуште, а любят наши мусора правила нарушать не хуже нас, – дальше пояснили для меня. – Ты, товарищ, попал на карантин мало того, что к рецидивистам, так ещё и квиты мы с тобой по обвинению.

– И сильно это плохо?

– Ну тут уж, конечно, от тебя зависит.

– Кого убил?

Татуированный толкнул в бок сокамерника, будто намекая, что вопрос слишком резкий. Тот в ответ отмахнулся взглядом и выжидающе уставился на меня.

– Так заметно, что не тех убил? – я невольно усмехнулся.

– Тех и не бывает, – справедливо подметил старший.

– Чё ты, мента завалил?

– Нет.

– Чё такой не многословный? Всё равно ж узнаем, – блондин крепко толкнул в плечо, на что я раздражённо выдохнул.

– Я убил троих. Двое оказались сыновьями ментов.

Трое протянули многозначительное «мда-а-а».

– Будь я на их месте, организовал бы тебе быстрый самосуд.

– Да не гони! Поняли б всё быстро, как два пальца обоссать.

– За что убил хоть?

– Отомстил.

Старался говорить в общих чертах. За трое суток я уже, кажется, стёр язык до мозолей, рассказывая из раза в раз одни и те же вещи. Для полного соответствия им стоило ещё спросить меня о семье и здоровье.

Атмосфера как-то загрузилась. Будто своим присутствием я внушил уныние. Подумалось, что их могли предупредить о новом соседе. Именно поэтому они хищнически обступили меня. Спрашивать о таком не стал.

– Тебе хоть что-то про бытовуху рассказали?

– Нет.

– Значит смотри, – третий с кряхтением встал, – шас вот тут в этой комнате ты с нами на неделю край, если не решат покуролесить с твоей персоной. А так и до двух задержать могут... Врачи, мозгоправы всякие будут. Ничего интересного. Интересно тебе будет уже в самом СИЗО... – он выставил палец и усмехнулся. – Раз ты щенка ментовского пришил, засады тебя либо к рецидивистам без тормозов, либ к активистам... те вдвое хуже будут.

– Почему?

Трое переглянулись.

– Ты вообще ни в зуб ногой, как я погляжу... Активисты – это псы тюремные. Зэки, которые каждый пердёж доносят. И выполняют все поручения. Как правило, тихо и изошрённо. Потому мой тебе совет – первые ночи не спать. Там и пришить могут по наводке. Если твои менты сюда связи имеют. Тебя уже, видно, неплохо обработали.

Он указывал на шею и руки. Я на автомате отмахнулся.

– Заслужил.

Татуированный хмыкнул:

– Будешь спускать с рук? Хоть маленько представляешь, что могут сделать?

– Ничего, что я бы не пережил.

– Вадим, оставь. Не сри мозги зря. Может обойдётся.

– Давно вы тут? – я решил поддержать смену темы.

Больше ничего особенного не происходило. Я смог выдохнуть, хоть и на короткое время.

Следующий день начался с очереди к раковине. От этого действия тянуло обыденностью, внезапно оказавшейся невероятно приятной. Вскоре через небольшое окошко в металлической двери поочерёдно просунули миски с едой. Ячневая каша на воде вдруг напомнила о человеческой потребности в пище. И о том, что не закрывалась она за эти дни ни разу. Не сложно догадаться, что об этом я и думать забыл. Аппетит был каким-то фантомным. Вроде восполнить силы надо, а вроде и шокировать организм не хочется внезапной роскошью завтрака.

Личное время прозябало в скуке. Ниочёмные разговоры с людьми, с которыми не связывает ничего, кроме склонности к нарушению закона, быстро иссякали. Впрочем, из разговора выяснилось, что моё пребывание в карцере ИВС – весьма не по правилам. Оказалось, других подозреваемых отдельными комнатами на одного не балуют – там все друг на друге сидят. Предположили так же, что после карантина меня могут отправить в штрафной изолятор, вместо положенной общей камеры. Разумеется, с той же целью, что и в ИВС. Я, конечно, слушал и впитывал, но пару раз ловил себя на мысли, что неплохо было бы заиметь тетрадь для конспекта.

Скоро всех поочереды стали уводить на процедуры. И до меня добрались в том числе. Примечательно было, что здесь для перемещения наручниками не сковывали. Видимо, степень защиты выше. Разве что надзиратель крепко сжимал плечо, создавая видимость скованности.

Привёл в кабинет. Там дали какие-то бумаги и велели подписать. Вопрос задался сам собой.

– Что это?

– Ты прошёл инструктаж, ознакомился с распорядком, был на медэкспертизе, у психиатра... Просто подписывай.

Нервный тон насторожил. Я не идиот, знаю, что любые документы стоит прочесть. Но я этого не сделал. Не сделал, потому что не увидел смысла. Мою ситуацию можно ухудшить?

Подсунут мне протокол о дополнительном обвинении – их воля. Я и так сяду. Мне неважно за что.

Надзиратель лениво откинул бумаги. Может там действительно были лишь формальности. Снова в путь. Привели стричься. С плеч будто скатился маленький камушек. Теперь хотя бы никто не будет снимать скальп.

Цирюльник, по всей видимости, один из заключённых. Усадил на стул. Небрежно накинул на плечи какую-то простынь. Большими металлическими ножницами с лёгкостью отрезал патлы, прежде чем вооружиться машинкой.

Мне казалось, я должен что-то чувствовать по этому поводу. Уж и не помню себя с короткой стрижкой, тем более, «под насадку». Быстро, без особой аккуратности пряди попадали на пол. Сделаю это символом новой главы своей никчёмной жизни. Наверяд ли снова отращу.

– Хорошо, что побрился, – сухо выдал мой парикмахер. – Этим коршунам много не надо.

Я слабо распознал смысл. Переспрашивать не стал. А может не захотел признаваться сам себе, что понял о чём он. Закончив, он стянул простынь. Сунул неказистое зеркало. Я хотел отказаться, но руки взяли его сами. Пара секунд на то, чтобы решиться. Взгляд. Нет.

– Спасибо, – спешно отстранил зеркало и сунул обратно.

Заключённый вручил веник. Мол, кто стригся, тот и марафет наводит. Я не возражал. Хоть какая-то деятельность. А перед глазами застряло отражение. Всего мгновение, а так ярко отпечаталось. Странное чувство дереализации настигало мутными волнами. Человек в отражении был мне не знаком.

Едва покончил с уборкой – снова под руки и в другое место. Пустая комната. Это крыло отличалось стенами – здесь верхняя половина оставалась белёсой, а вот нижняя отделана плиткой нудного бледно-бежевого цвета. В комнате ожидали трое надзирателей, до того мне не знакомых. Хотя я в целом ещё не успел запечатлеть в мозгах весь персонал этого места.

– Бля, Костян, что ты с ним сделал?

– Что приказали, то и сделал, – между лопаток грубо пихнули. Это не процедура следствия, и на кабинет психотерапевта так же не похоже. Тело напряглось. Говорило бежать.

– Хоть со спины на бабу похож был, а теперь что?

– А у тебя главный критерий в тех, кому бы присунуть – наличие волос? У меня для тебя плохие новости, – хохот.

Они переговаривались так, будто я не слышал их. Специально скалились, словно хищники, бросая короткий взгляд. Надо было что-то делать. Пятеро вооружённых сотрудников следственного изолятора против меня одного, истощённого морально и физически. Усталость твердила только одно:

– Почему я? – хмурый выдох. Не сдержался. Ощутил на себе взгляды. Злые. Бешенные. Предвкушающие.

Стоящий за спиной надзиратель, тот, что водил меня сегодня повсюду, с силой толкнул вперёд. Оттуда перенаправили на пол.

– Что ты там скулишь?

– Почему именно я? – повторил громче и твёрже. Не то чтобы вопрос был обращён именно к ним.

– По дельцу интересному идёшь...

– Пиздишь много, говорят.

Снова меня касалась чужая обувь. На бедро с силой давили берцы. Рана от ножа майора вновь вскрылась. Я шипел. И молчал. В отговорках нет смысла. Им неважно. У них уже есть предлог, и, согласно ему, меня можно ломать. Меня нужно ломать. Смешать с грязью. Заставить чувствовать себя ей.

ГЛАВА 3

Убить. Убивать. Убивать. Убивать.

– Саныч. Спишь? – громкий шёпот.

– Чего тебе?

– Не охота просто.

– Скукота выматывает, – Оскар согласно вздохнул. – Ну ничего, скоро на этап уже.

Помолчали. Тишина звенела.

– Как думаешь, не забьют они доходягу нашего?

– Ему бы поменьше равнодушия, – голос был ровным и спокойным, будто делящимся мудростью. – Он жеж вообще кажись не реагирует ни на что. Вот они сильнее бесятся.

– Уже вся грудина чернющая, – скрипнула кровать, Слава дёрнулся, жестикулируя. – Я с такой и вдоха сделать не мог. А этот карабкается на пальму ещё.

– Жаль пацана. Молодой. Крепкий.

– Жуткий он, – вмешался тихо Вадим сверху, тот, что самый молодой.

– Чё эт он тебе жуткий?

– Дак сам сказал, что от побоев еле живой. Я таких сторонюсь. Не знаешь, что и ожидать.

– Балда ты, – Оскар хрипло прокашлялся.

– Чё эт я балда?

– Привыкший он просто. Я такой же был. На каждом углу пиздюшонком задирали. Так я и не выдержал в один момент и замочил обидчика. На зоне тоже мусорам не полюбился. Пока на колени не поставили – не успокоились.

– Ну хуй его знает, меня не трогали на той ходке.

– Да вас нарколог жопой жуи сидит, – снова скрипнула койка Славы. – Тебя на сколько сажали?

– Ну восьмёра.

– Вот, а грозило бы два года – добавили бы пару завалявшихся по разбою, чтобы раскрытаемость поднять и копейку в карман положить.

– Да пацаны рассказывали. Не знаю. Хитрый я, говорили. Под обстоятельства главное подстроиться.

– А вы попробуйте подстроиться под мента, у которого сына грохнули. Я бы поглядел, – я вмешался в диалог тихо и размеренно.

– Ебсти тебя всемером, напугал! – тут же отозвался Славик. Находящийся на нижней койке, он дёрнулся так, что я качнулся. Прикусил губу, чтобы не взвыть.

– Как самочувствие?

– Бывало и лучше, – болело всё, кроме рук – их я просто не чувствовал. От этой самой боли было трудно уснуть. – Нечего меня жалеть. Сам виноват.

Никто не ответил. Зря вмешался. Затекла шея. Попытался перевернуться – быстро передумал. Спина и многострадальные рёбра действия не оценили. Беспомощно уставился в потолок. Дни прошли как в тумане. Подъём; если повезёт, завтрак; психиатр; ещё какой-то тип. И дальняя глухая комната. Обрато приводили либо впритык к отбою, либо глубоко после него.

Психотерапевт на этот раз не ограничился списком вопросов. Просидел я у него несколько часов, по ощущениям. Гора вопросов на визуализацию. Скоро понял, что большинство из них однотипны. Основная масса была про агрессию, перепады настроения, контроль и нарциссизм. Он просил отвечать, не думая о нынешнем состоянии, а вспоминать свою жизнь в целом. Давать ответ к тому же нужно было быстро. Даже если я и понял, на что они нацелены – солгать бы не вышло.

– Я удивлён, что ты со мной честен, – внезапно подметил мужчина.

– Зачем мне врать?

– Скрытные натуры вроде тебя осознают свои стороны и делают это подсознательно.

– Не знаю, сейчас всё равно.

Он дал две таблетки.

– Что это?

– Сильное обезболивающее.

– Зачем?

– Не заставляй меня спрашивать то, на что я не должен знать ответ.

Кажется, говорить со мной загадками ему показалось лучшим решением. Я выпил, хоть и сомневался, что это сильно мне поможет. Однако учтивость не могла не отозваться теплом.

– Скажу по секрету. От меня в большей степени зависит, как скоро и куда ты выйдешь из карантина. Честность я уважаю.

– Уважать что-то в убийцах? – неожиданно для себя я задал вопрос вслух.

– Люди остаются людьми, даже если отнимают жизни.

Я не ответил. Меня молча вывели из кабинета. На удивление, доставили обратно в камеру, а не в пыточную комнату. Та оказалась пустой. Мои соседи на таких же процедурах. Руки тряслись. Я один. Мозг дал команду всему телу расслабиться. Сердце бешено заколотило в рёбрах. В глазах потемнело. Спиной прислонился к холодному бетону и съехал на пол. Паника настигла так внезапно, что я забыл, как нужно дышать. Затылок бился о стену из-за произвольных вздрагиваний. Стало жарко. Руки не могли подняться. Они безвольно касались пола – я едва их чувствовал со вчерашнего дня. До того игнорировать сигналы организма мне удавалось. Мотивировало хотя бы наличие других людей и внутреннее упрямство. Если все будут знать, что мне больно, у многих возникнут вопросы, когда больно быть перестанет. Мне этого не нужно.

Всю жизнь я старался не привлекать внимания. И ровно так же всю жизнь его ощущал. Всегда. Каждую секунду. Я был на виду – а значит под наблюдением. И сейчас. Будто все 20 лет я к этому готовился. Стоять ровно. Терпеть. Терпел. Дотерпелся.

– *Как думаешь, это повторится?*

И он. Скрывать его было сложнее прочего. Особенно, когда он проявился.

– Почему ты сам со мной говоришь? Я ведь уже несколько дней здесь. Я чувствую сколько не выдержали и подошли здесь. Я знаю, что их много. Они давят. Но ты не даёшь им говорить.

– *По правде, это просто утратило смысл.*

Последняя фраза улетела в пустоту, оттолкнулась от стен и разлилась эхом повсюду. Вдруг стало легко.

– О чём ты?

– *Мне нравилось твоё неведение. Слышишь мёртвых, внимаешь каждому слову, задаёшься вопросом – а почему именно ты их слышишь?*

– Потому что их притягиваешь ты.

– *Вот об этом я и говорю – они больше не эффективны. Люди справляются со всем сами,* – его довольная улыбка заставила передёрнуться. – *Ты делаешь всё сам.*

Толчком вернулась боль. Зрение. И слух. Напряжение превратило меня в камень. Окончательно очнувшись, осознал, что сжимаю что-то. В ответ мою руку сдавили. Секунда – поднял взгляд. Перед глазами вспыхнуло его лицо. Пальцы разжались моментально. Дёрнулся и впечатался затылком в стену до искр. Тут же почувствовал тяжёлый удар. Что-то воскликнул... кажется, надзиратель. Да. Я поднял взгляд. Тот ошарашенно держался за горло. Опять? Взгляд вниз. Кровь. Руки в крови. Почему руки в крови? Я стал озираться. Не понимал откуда она. Боялся, что снова сделал это. Что снова потерял контроль. Он завладел моим вниманием. Отвлёк. Сделал это моими руками.

Вокруг не было ничего примечательного. Оскар встревоженно стоял за спиной надзирателя. Больше никого и не было.

– Ты как смеешь нападать на служащего при исполнении? – он широко замахнулся дубинкой. Ударил по лопатке. Я упёрся руками в пол и неотрывно смотрел на красные следы, что я оставляю.

Кажется, единственное, что я вынес из всех избиений – смотреть в глаза нельзя. С отцом всё работало так же. Ему просто нужно было дать время, чтобы выплеснуть гнев. Потом он всегда уходил и игнорировал меня, пока вновь не появлялась потребность в преобладании. С детства я научился замирать. Игнорировать всё. Просто ждать окончания. И неважно, что в моменте происходит со мной – слышу ли я голоса кишачих внутри мёртвых, на грани ли от внезапно накрывшего меня психоза, или едва держу себя в сознании. Дать отпор – значит проиграть *ему*.

– Поднимайся, – суетливый голос сокамерника. Под локоть мягко потянули вверх.

– Кровь... Чья кровь...?

– С носа у тебя течёт, вставай.

Разве? Моргнул. Руки чистые. Коснулся подбородка. Алый след. Действительно нос. Оскар довёл до раковины. Зашумела ледяная вода. Укусила лицо. Быстро окрасилась в розовый. Оскар придерживал, пока я поился. Закрыв кран. Потянуло вниз со стоном.

– Я, блять, идиот...

Под подмышки он удержал меня, довёл до койки, усадил. Я сокрушался, накрыв лицо руками.

– Как можно было...

– Рефлексы у тебя хорошие, что поделать, – он вздохнул. – Мы вообще зашли, подумали ты откинулся. Легавый пульс проверять полез, так ты его и схватил. Да крепко, как я понял.

– Не впились мне в хуй эти рефлексы...

– Ты на голову больной?

– Что? – я поднял голову в сторону внезапного вопроса.

– Сам с собой говоришь, как умалишённый.

– Нет, просто привык так, – я колко отмахнулся, – если б был, мозгоправ бы написал уже.

– Знаешь, ты вроде парень неплохой, но с тобой делить каюту мне напряжно.

– Я не специально, – растерянно.

– Специально или нет, а мороз по коже от тебя идёт. Хер его почему. Просто смотрю и чувствую.

Той же логикой пользовался отец. Я пугал его. И он хотел меня уничтожить. Всё просто.

– Если заходите придушить ночью – милости прошу. Не обижусь.

– Типун тебе на язык.

Будто у любителей издеваться над заключёнными сегодня выпал выходной, остаток дня прошёл вполне спокойно. Где-то под вечер явился надзиратель и забрал Вадима. Как мне пояснили – определять в постоянную камеру.

– Нас пока тут держат, соответствующий человек изучает личное дело и то, что накалякал мозгоправ. Что бы решить в какую камеру и с кем лучше посадить. Ну без проблем чтобы. Хотя раз на раз не приходится, раз уж мы с тобой тут вместе оказались.

Да, об этом уже говорили в самом начале. И, смотря на паттерн, разместят меня, не совсем в соответствии с правилами.

Следующим утром пришёл надзиратель. Руки за спину. На выход. Всё как обычно.

– Тебя переводят.

– Что? – я опешил. – Так быстро?

– Да-а, даже мы до сих пор сидим...

– Порядок меньше нарушать надо, – сурово отчеканил надзиратель.

Поторопил. Вывел. Коридор был тёмным и пустым. Света не было. Я насторожился.
– Совсем забыл упомянуть, протокол для перевода подписан на послезавтра.

По телу пробежался холодок. Неспроста. Он сказал это, чтобы я испытал страх, что я, собственно, и сделал. Если перевод назначен на послезавтра, сегодня меня перевести не могут. Куда меня ведут? Как обычно на увлекательную беседу со всеми напряжёнными сотрудниками? Нет, зачем тогда уведомлять о переводе? Он просто хочет, чтобы я ожидал. Просто издевается. Просто...

Сердце ухнуло вниз, когда меня завели в небольшую комнату, отделанную кафелем наполовину. Нет, не от убогости интерьера, оно имело функциональный смысл. От состава сегодняшней группы палачей. Отец Марка. Добрался-таки.

– Надеюсь сейчас меня и убьют, – слова вырвались из сдавленной груди.

– Плохо работаете, – подполковник обратился к остальной массе, – он до сих пор что-то скулит.

– Обижаете, Виталий Аркадьевич, мы его и подвешивали на сутки, всё равно говорливый.

Плечи фантомно загудели. Я моргнул. Будто только сейчас вспомнил о деталях. Как кончиками пальцев касался пола, как впивались в руки верёвки, как трудно было дышать в мешке. Дёрнул головой. Память подводит меня всё чаще. По позвоночнику пробежались колючки.

– О побоях разносит?

– Странно, но молчит.

Подполковник кивнул двоим, чтобы те заломали мне руки. Боится, что начну сопротивляться?

– Традициям не изменяете? – слишком дерзко для своего положения. Плечи стянуло колючей проволокой, но я сжимал зубы.

– Как же я тебя, ублюдка, ненавижу...

Я сморщился от боли, но ответил:

– Могу вас понять.

Кулаки его были сжаты до белых костяшек. Я не мог понять, от чего он сдерживался. Прошло уже больше минуты, а я не ощутил ни одного удара.

– Раздевайте его.

Одежду едва не сорвали. Бросили на пол. В поясницу упёрлась тяжёлая обувь. Кожу жгло. Кажется, спина была расчерчена ранами. Кажется, от многочисленных ударов. Не помню отчего и когда.

– Видали? Живого места нет, а этот ещё и ходит сам, – проговорил тот, чью подошву я чувствовал. В дополнение он потормошил меня.

– Привязать его надо. Рыпаться будет.

– Ага, вчера меня за горло схватил. Прикинулся будто в отрубe. Синяк остался, – надзиратель продемонстрировал, отогнув ворот. – Я Любке кое-как объяснил чё за хуйня. Думала засос.

– А чё, боишься спалиться, что каждого второго пердолишь?

– Как это связано? Если что, обычно зэки сосаться не лезут, – он ехидно скривился, – если у тебя так, то я тебя расстрою.

Снова хохот. Я лишь тяжело дышал, ожидая участи. Было холодно. Хлопнула дверь.

– Давай сюда.

Копошение. Ничего не вижу. Давление пропало. Чужие руки обвили голени и запястья. Подняли. Небрежно. Специально не аккуратно и резко забросили на ледяной стол. Один вжал голову до треска черепа в поверхность так, что я зашипел. Другие привязали руки и ноги к ножкам стола. Два неопознанных голоса коротко переговорились:

– Тридцатку ставить?

– Можно сразу пятьдесят ебануть.

– Сразу?

– Живучий. Чай тридцатку и не почувствует.

Вмешался подполковник.

– Жмурик мне не нужен. Как обычно начинай, – снова пауза, неясный шум. – Остальные свободны пока, пришло посыльного, как закончим.

Дверь захлопала. Судя по шагам, вышли почти все. Конечности заледенели. Неведение давило, заставляло сердце стучать слишком быстро. Дышать становилось всё труднее. Поясницу что-то ущипнуло. Перед глазами появился подполковник. Кроме него в помещении остался ещё один служащий.

– Ты же у нас не любишь кричать, да?

– Ну не очень... – я прокряхтел. Устал даже ругаться на себя за длинный язык.

– Зато трещишь как баба на базаре, – между делом подчеркнул он. Мне не нравилось, к чему он ведёт. – Я расставлю твои приоритеты на свои места.

– Отходите. Я пускаю.

Кусающее поясницу нечто вдруг ужалило. По телу ощутился нагрев и неясное раздражение, до омерзения противное. Я вздрогнул, но кажется больше от неожиданности. Это был ток.

– И правда, – подполковник хмыкнул, – маловато таракану. Ставь пятьдесят.

Пятьдесят. Сила тока. Мне всегда казалось, что это осталось далеко в прошлом. А с другой стороны – я лежал распятый на столе с подключённым аккумулятором к пояснице. Додумать мысль не дали

– Пускаю.

Снова повысилась температура. Проходящий разряд по телу был ощутим, словно дрожь. Руки и ноги дёрнулись, сжались. Долго. Секунды казались долгими.

Отпустило.

– Умеете удивлять, товарищ подполковник... – прохрипел я, не подумав об уязвимости своего положения для колких фраз. Я идиот.

– Да что ж ты никак не заткнёшься то... Ещё, – он скомандовал и всё повторилось.

Руки сжимали верёвку.

– А своего сына вы так же в малолетке пытали, чтобы он пидором не стал? – сознание мутнилось. Я совсем прекратил фильтровать речь.

– Шестидесят, – рявкнул, подойдя ко мне. В руках заметил тряпку. Он сунул её мне между зубов и завязал на затылке. Решил заткнуть наверняка.

– Пускаю.

Место соприкосновения с проводами горело огнём. Жарче. Кровь будто кипела. Произвольно теперь сокращались все мышцы. Я издал протяжный стон. Отпустило. Глубоко дышал.

– Что ты так мало держишь. Дольше давай.

В этот раз без предупреждения. Глаза распахнулись. Дыхание пропало на мгновение. Либо так мне показалось.

– Ты будешь кричать?! Восемьдесят!

Колебание. Я застыл в ожидании. Едва потерял бдительность – пуск. Долго. Долго. Дыхание остановилось. Я не сразу различил прекращение подачи заряда, пытаюсь заставить себя вновь задышать. Неясные хрипы вырывались из глотки. Дёрнул руками. Начала накрывать паника.

Вдох. Тяжёлый. Ещё один. Лёгкие горят. Так, будто их подожгли. Разряд. Я сдавленно вскрикнул, исполняя желание подполковника, пока вновь не перестал дышать.

– Стоп.

Он брезгливо подошёл. Развязал некрепкий узел тряпки на затылке. Кисти рук продолжали резко сжиматься. Мышцы в спине дёргались. Прерывистое дыхание кружило голову от недостатка кислорода.

– Ты хоть помнишь их имена?

Расчувствовался, подумалось мне. В таком состоянии я, кажется, и своё имя не вспомню. Не говоря уже о том, насколько сейчас мне плевать и на имена, и на самих убитых.

– В ду...ше... не ...ебу...

Горло обожгло от крика. Гореть начинало всё.

– Быстро ты сдался. Восемьдесят пять.

Я стал терять сознание, пока мышцы продолжали болезненно сокращаться. В чувства приводили нашатырным спиртом. Проводили ток снова. Контролировать себя уже было невозможно. Сознание плыло. Плыла картинка. Я что-то говорил. Слабо понимал, что именно. Пытался отвечать на вопросы, которые он задавал играючи. Я понимал, что он не остановится, пока я не стану умолять об этом. И будь я более разумным – немедленно бы начал. Да, я должен был молить о прощении, унижаться и просить остановиться. И я бы делал это намеренно. Только вот искренне не получалось. Искренне я хотел, чтобы сила тока перешагнула порог фибрилляции, и сердце остановилось. Но не в первый раз он этим развлекается – знает, когда остановиться. Сколько секунд выдержать. С какой периодичностью включать. Как сохранить жизнь.

В себя пришёл в другом положении. Глаза не могли открыться, ничем пошевелить тоже не выходило. Лишь понимал, что лежу в другой позе. Сквозь воду доносились обрывки разговора. Писк трещал в голове, отдаваясь на звук первое время. Усилием поднял веки. Глаза слепило. Никак не удавалось сфокусироваться. Различил пару человек поодаль.

– Куда его дальше девать?

– В ШИЗО без камер оттащите.

Фигуры ходили из стороны в сторону. Чётче разобрать, чем они занимаются, не удавалось.

– Акум не сворачивай. Стопач сказал, сегодня ещё одного обработать надо.

– Кого?

– Теменков должен подписать признание.

– Эт которого со вчерашнего дня у разработчика держат?

– Да. Орёт про адвоката что-то.

– Глянь, – в мою сторону указал один из сотрудников, – кажется очнулся.

Две фигуры вразвалку подошли ближе. Сложно было даже переместить взгляд, поэтому я уставился сквозь их ноги.

– Он не соображает ничего.

Носком ботинка он ткнул меня в бедро – это место отдалось сильным жжением, но я не смог отреагировать.

– Эй, белоснежка, – затормошили активнее. – Видишь, похуй ему. В коматозе он.

– Напомни, за что его? А то Хмуров даже не допрашивал особо.

– Дак сына он его убил.

– Не гонишь?

– Его и ещё одного майора ихнего местного.

– Н-да-а, – протянул второй. По голосу догадался, что он пускал ток.

– У тебя ж твоя скоро рожает. Как ты? – они отошли.

– Да. ПДР на 26 мая стоит. Я отпуск возьму.

– Как назвать решили?

– Я Сонькой хочу, – в голос вплелась невесомая нежность. Он говорил с улыбкой, – а Маринка всё Амелию мне тычет. Ну какая Амелия Егоровна Баранченко?

– А как по мне звучит, – второй хмыкнул со смешком.

Их разговор перебила открывшаяся дверь. Размеренный темп диалога сломался громким хохотом вошедших.

– Бля, Костян, я б на твоём месте вообще больше у Трудина дубинки не касался.
– Ой сходи ты нахуй, я её помыл!
– Ага, после такого больше в серной кислоте мыть надо.
– А ничего, что мы фамилиями светим? – осторожно проговорил один. Все дружно уставились в мою сторону.
– А то, что мы ебальниками светим, не смутило? Хмуров сказал, этот молчать будет.
– С чего он так уверен?
– Да некому ему говорить, чё непонятного то? Эт на следующего хлеборезки всем закрыть надо.

– Свет рубанули. Потасили.

Несколько сотрудников подошли ко мне, будто мешок, перекинули на простынь. Подняли. Понесли. Бросили у входа в камеру, видимо, пока открывали. Затащили внутрь. Лёгкие, наконец, начинали работать в полную силу. Грудь неконтролируемо вздымалась с хрипом.

– А ты боялся, что помер.

– Не каждый день по сотке выкручиваю.

– Н-да-а. Удивительно, что не откинулся тогда. Может Хмуров так и хотел?

От этой фамилии уже начинало тошнить. Две смутные фигуры будто не могли найти другого места, чтобы поговорить. Непременно им нужно было стоять надо мной и обсуждать шансы моего выживания. С другой стороны, хорошо, что я не мог говорить. Паралич спас меня, как ни странно, от новых травм. Наконец, они ушли. Тишина зазвенела. Стоило ли мне ждать новых гостей?

Закрыв глаза. Усталость. Самое безобидное ощущение. Я не выдержу. Сколько это будет длиться? Ежедневно, пока не этапируют в колонию? И через сколько это случится? Месяц, два, шесть? Может ли и моё тело дойти до предела? Нет. Разум дойдёт быстрее. Я сойду с ума. Не сдержу *его*. Почему *он* до сих пор молчит?

Сердце ухнуло. Пропустило удар в своём бешеном темпе. От догадки ощутилось покалывание в кончиках пальцев. Может ток как-то повлиял на него? На нас? Нет, это не может быть так просто. Простой удар током не мог вытащить из меня эту гадость. Или мог?

Дрогнула рука. Я переместил на неё внимание. Попытался пошевелиться – получилось. С усилием поднял руку. Та дрожала. Поморгал. Зрение почти пришло в норму. Слух пронзил неприятный скрип окошка в двери. Оно открылось. Просунулась рука и быстро исчезла. Звонко упало на пол что-то металлическое. Я прищурился. Приподнялся на локтях. Разглядел предмет – маленькое лезвие. Видимо, из бритвы. Что это значит? Помощь заключённому или намёк, чтобы поскорее вскрылся и сдох? В целом, было всё равно на причину, как и на личность неизвестного. Внутренний голос продолжал бить в уши. Или это было сердце. Я должен был проверить. Должен попытаться.

Колебался не долго – насколько быстро мог, подполз к лезвию. Схватился за него. Это был обломок из бритвы. Хватит ли его? Проверить решил на практике. Чтобы было удобнее, отполз и сел, прижавшись горячей спиной к холодной стене. Хоть слабость была слишком ощутимой, я смог надавить на лезвие и медленно прочертить красную линию вдоль предплечья. Слишком слабо. Второй раз провёл сильнее, насколько мог. Тёмная кровь стала вытекать обильнее. Посчитав, что этого достаточно, разрезал и вторую руку. Силы заканчивались. Хотя их и без того не было. Руки безвольно упали к полу. Я откинул голову, прерывисто вздохнул.

Так я умру? На полу в грязной камере? Станет ли от моей смерти легче всем тем людям, поглощённым горем из-за меня? А мне станет легче? Как минимум я уйду отсюда. Пусть и рай будет, и ад будет – да даже вечная темнота меня устроит. Что угодно, лишь бы освободиться.

Дверь скрипнула. Нет. Нет. Почему так скоро? Они должны были дать мне больше времени. Всего несколько жалких минут. Второго шанса может не быть.

В камеру заглянул один из тех, что нёс меня сюда. Увидев лужу крови и моё недовольное ебало, он мигом оценил ситуацию.

– Блять... – закопошился. В камеру забежал напарник, тот, что пускал ток. Кажется, мне стоит сказать ему спасибо, раз уж на то пошло. Он оцепенел.

– Как?!

Я бросил усталый взгляд и прикрыл глаза. Будто силой мысли мог призвать смерть поторопиться.

– Долбоёб, блять!! Ты! Хмуров голову оторвёт!

– Что делать?

– Как что? Тащить к медику! – он подлетел ко мне. Пару раз всплеснул руками, не зная куда податься. Вынул из кармана нож и стал надрезать простынь.

– Пряма так? – второй продолжал метаться на месте. Говорил тише. Его паника была более пассивной.

– Да, прям так! – он оторвал руками лоскут, отложив нож в сторону. Лезвие блеснуло, отразившись в зрачках. Мой шанс.

Сделав усилие, я дёрнулся и схватил нож. Тут же прижал к горлу. Реакция подводила – оно и не удивительно – надзиратель мигом оттолкнул мою руку и выбил из неё орудие. Лишь немного лезвие укусило кожу.

– Да ёбаный ты суицидник! Егор, держи его, блять!

Вышеупомянутый шагнул ко мне.

– Меня не надо спасать, – сквозь зубы прошипел я. – Просто сделайте вид, что пришли, когда я откинулся.

– Не капай на мозг! – рявкнул первый. – Сказано не дать подохнуть. Моя воля – так бы и сделал.

Я зло выдохнул. Чёртовы принципы. Туго затягивая моё предплечье обрывком ткани, он кинул напарнику, чтобы тот надел на меня штаны. Потом потянули встать. Туман окончательно затянул сознание. Вынул его из тела и выплюнул в темноту.

Невесомость. Обнаружил себя на коленях. Медленно встал, повертев головой. Ничего. И впрямь пустота. Не было ни звуков, ни запахов, ни ощущений. Я будто стал её частью. Сделал шаг – он дался легко. Второй. Ещё один. Я не ощущал тяжести даже своего веса. Так выглядит та самая вечная пустота после смерти? Если и так – я согласен провести здесь следующую вечность. Сам с собой.

– Составить компанию?

Нет. Я не хотел признавать факт услышанного голоса. Фразу, пропитанную самодовольством, я хотел просто стереть из вселенной.

– Мы провели вместе столько времени, а ты хочешь так просто уйти? Это даже забавно, – от снисходительной усмешки тошнило.

Я стал озираться. В панике и страхе искать глазами источник голоса. Или выход.

– Его не будет.

– Хватит! – эхом разнёсся восклик. – Чего ты хочешь от меня? Почему просто не оставишь меня в покое?!

Голова закружилась – или закружилось пространство. Темнота перестала быть однородной. Смешалась будто дымка. Продолжая набирать обороты со мной в центре, она резко остановилась. Перед лицом я увидел себя. Другого себя. Старого. Злые глаза были широко раскрыты и напитаны безумством.

– Убивать.

– Что...

– Я хочу причинять смерть, – холодные руки коснулись шеи.

– Зачем? – едва не моляще проронил вопрос. Щемило сердце от того, что я всегда знал ответ. И знал, что это неизбежно.

– Ты даже не представляешь как много люди чувствуют перед смертью. Какая буря эмоций и воспоминаний наполняет их! – он всплеснул руками, устремив взгляд ввысь. – *Наполняет меня!*

– И всё? – слова вырвались из горла, тут же сжатого моей же рукой.

Он заглянул в мои глаза. Хищник. Силой и мощью было пропитано всё вокруг него. Даже я. Я был пропитан его силой.

– Чего только стоят душевные терзания моего сосуда... – протянул он задумчиво. – Ты ведь сам жаждешь того же.

– Нет!

– Не надо врать самому себе, – хищный оскал, – о том, что не наслаждался их убийством.

– Это были не мои чувства! Я даже не владел собой!

– Думаешь, я бы смог выйти без твоего разрешения? Ты дал мне волю сам, – он втапывал каждым словом. Разрушал меня изнутри. Ломал кости хуже, чем ментовские ботинки. – Сам попросил отвести к ним. И сам решил, как разобраться. Я лишь... – он отстранился, усмехаясь, – случайно задел лишнего...

Лишнего? Он просто называет его лишним? Злость кипела внутри. Я хотел высказаться. Что-то сделать. Вцепиться ему – самому же себе – в глотку и перегрызть её. Узел крепко затягивался в груди.

– Сейчас ты бессилен. Ты настолько идиот, что довёл себя до комы – ты не имеешь власти над своей физической оболочкой. А я да.

Пространство содрогнулось. Упала камнем в пропасть моя душа.

– Остановись! – я бросился на колени. – Прошу тебя, не надо!

– Надо, – он самодовольно смотрел сверху вниз.

– Умоляю, проси что хочешь! Я сделаю что угодно!

– Как забавно, – он присел, запрокинув мою голову выше, – столько часов эти люди добивались твоих криков о пощаде различными истязаниями, а им всего лишь стоило попасть под риск смерти, чтобы ты умолял.

– Не убивай никого. Они не заслуживают...

– Хватит врать! – он откинул меня лёгким на вид движением так, что я распластался на полу. – Не в твоей ли голове крутилась мысль о том, что тебя избивают, как пса, ни за что. Ты мысленно позволил делать это лишь троим людям. Другим не даёшь отпор только чтобы не перестараться. Потому что знаешь. Ты. Не сдержишься.

Я стиснул зубы. Кажется фильтровать мне нужно и свои мысли. Отчаянно прокричал в его спину.

– Ты убьёшь пару надзирателей и что с того? Их больше! Они просто обездвигают нас! Ты хочешь провести всю жизнь в заточении?!

– Я? – всё смолкло. Безэмоциональный взгляд леденил душу. – В заточении будешь ты. В бесконечной пытке будешь лишь давать мне питаться своей болью. Мне без разницы, где ты. Если ты жив – ты страдаешь. Большего мне не надо, разве так сложно понять это?

Тяжёлым грузом его слова давили на плечи. Нечего было противопоставить. Нечего. Ему ничего другого не надо. Я должен сделать что-то. Как-то остановить сейчас и не позволить больше этому повториться. Он не должен взять верх.

– Смотри.

Внезапно перед глазами вспыхнул свет. Искажённая реальность ослепила. Я смотрел на себя со стороны. Не мог понять с какой конкретно – будто отовсюду сразу. Это было подобие больничной палаты. С решёткой вместо одной из стен. Я лежал с закрытыми глазами. Из-

под простыни выглядывала рука с катетером. По нему медленно текла прозрачная жидкость. Самым интересным был ещё один человек в «палате». Надо мной со сцепленными за спиной руками и взглядом, полным отвращения, стоял подполковник.

– *Давай поспорим, – донеслось отовсюду, – если он сейчас тебя добьёт – я сделаю тоже самое с ним.*

Чёрт. Он же ненавидит меня. А с его влиянием на разум и вовсе может не сдержаться и дать волю эмоциям.

– *Я даже очищу его разум от своей энергии, – прочитав мои мысли, он выровнял шансы.*

В любом случае отказаться было нельзя. Лишь формально он «предложил». Я сосредоточился на картине.

Хмуров долго молча смотрел, напряжённый, как струна. Я почти ощущал это физически. Смотрел, конечно, с ненавистью. Можно было догадаться, какая смесь чувств бушевала внутри. Глядя на убийцу своего сына, так жалко выглядящего сейчас, хотелось только одного – добить. Стереть его из своей жизни полностью. Резкое движение руки. Взведён курок. В мой висок смотрело дуло. Он колебался. Просто застыл в той сцене. И мне было сложно молить о том, чтобы он остановился. Я не имел на это права, так боялся навредить последствиями. Просто молился. Не знаю кому – никто меня не слышал, кроме *него*. Но безысходность заставляет заниматься и такими глупостями.

Грузный вздох. Рука медленно опустилась. Поколебавшись, снова упёрла оружие и вновь опустила. Мужчина дёрнул плечами, прошипев себе под нос.

– Как же я тебя, блять, ненавижу...

Он убрал пистолет обратно в кобуру и отвернулся. Сопя от злости, повторил громче:

– Как же я тебя, блять, ненавижу! – вновь резко подойдя к моему телу, говорил тише и обречённее. – Ты, блять, убил моего сына. Ты! Слабый. Жалкий. Как он мог не дать тебе отпор? Я не понимаю... Как его мог убить именно ты?..

Я едва не возмутился. Его больше волнует именно это? Мужчина же с болью усмехнулся.

– Кажется, я никогда его и не любил. Не был он моим сыном никогда. Так, будто подкинули. Из-за тебя я чувствую себя бесчеловечным... – внезапное откровение продолжало сеять смуту в голове.

Будто, наконец, осознав, что сказал лишнего, подполковник тряхнул головой и неопределённо повёл рукой. Он и сам не понимал, отчего вдруг расчувствовался вместо того, чтобы пристрелить меня и спихнуть всё на оборону. Ему бы ничего не сделали. Разве что я бы не умер.

Резко на меня обрушился вес своего тела. Былая невесомость растворилась в кончиках пальцев. Снова заболело всё, что могло. Глаза едва приоткрылись, распознав смутную фигуру уже не снизу общим планом, а прямо перед собой. Пересохшие губы шевельнулись, но звука не издали. Я не знал, что сказать. Что было нужно или же уместно. Он едва наметил оборот, но вышел, так и не посмотрев на меня. Я выдохнул, глядя в потолок. Только липкое чувство тревоги продолжало просачиваться между внутренностями.

ГЛАВА 4

СЛЕДСТВЕННЫЙ ИЗОЛЯТОР

Штиль. Штиль хорош после бури. После нескончаемого потока бешеного ветра и дождя. Волн, что лизали палубу, забирая всё, чего коснутся. Спокойствие и безветрие прекрасно ощутить после борьбы за свою жизнь со стихией.

Но скоро и он откроет личину предвестника смерти. Выжжет. Исушит. Оставит дрейфовать на месте, пока не закончится еда, пресная вода и разум.

Однообразие дней в четырёх стенах навевало мысли лишь об этом. В камеру определили почти сразу после попадания в медсанчасть. Заживает на мне всё как на собаке, всё же. Опасения бывших сокамерников не подтвердились – руководство расщедрилось на обыкновенную трёхместную камеру. Ничем, в целом не отличавшуюся от той в карантине. Три койки – одна на втором ярусе – пара стульев, тумбы и стол. В углу так же раковина и отгороженный невысокой стенкой унитаз. Спасибо и на этом. Близко к потолку расположилось совсем маленькое зарешеченное окно. Не хватало только одного – вернее даже двух – сокамерников.

Не меня подселили к кому-то, а я, видимо, стану тем, кто встретит новенького. Практической цели я в этом не видел. Хотелось думать, что меня оставили в покое. Будто истязать меня – всё равно, что снова и снова вспарывать воспалённую рану. Впрочем, гадать не было смысла. Вообще в чём-либо отсутствовал смысл.

Следить за днями было тяжело. Сколько их уже прошло? Неделя? Нет, больше. Неважно. Стоило найти себе занятие. Ну хотя бы что-то кроме самокопаний. От скуки уже давно повывтаскивал ниточки швов на руках. Предположил, что персонально вести меня к медику никто не станет. Мне же лучше – раны уже выглядели слишком старыми для свежих, как бы это не звучало. Быстрая регенерация уже не оставила следа от побоев на рёбрах. Исчезла и слабость. Я чувствовал себя лишь истощённым заключением – не более. Когда смотреть в стену надоело – разворачивался к другой. Наскучила та – можно глядеть в потолок. Так же не уступающий другим вариантам – пол. Когда желание каких-то действий достигало пика – начинал отжиматься, пока не затрясутся руки. Больше никакой активности находить не удавалось.

И вновь та же картина – подчёркивая одиночество, никто из потусторонних гостей со мной диалогов не заводил. Однако, как только я смирюсь и начну добровольно с ними вести беседу – тут то и будет контрольная точка поехавшей крыши. Нет, лучше я забуду свой голос в мёртвой тишине. Жаль слуха нет – мог бы хоть настукивать пальцами мелодии.

Дверь противно заскрипела сквозь сон.

– Пятнадцать минут на этап.

Надзиратель кинул хмурую фразу и вышел, оставив в полусонной растерянности. Глянул в сторону окна – ещё темно. Этап? Кажется, это что-то вроде перевозки, об этом упоминал Оскар. Понимая, что времени у меня не так много, я стал думать о точке назначения параллельно с умыванием. Как всегда ледяная вода бодрила.

Надзиратель вернулся по ощущениям даже раньше. Повёл по коридору. Пришли в помещение схожее с тем, в ИВС. Там точно так же собрали много людей, после чего группами уводили к автозаку. Перед этим, конечно, заставив раздеться и обыскав.

Ехали в этот раз заметно меньше по времени, да и просторнее было. Приехали. Руки сковали в наручники. Фантомно заныли запястья, обвитые светлыми шрамами. Вторым ярким чувством был ветер, холодивший кожу, и утреннее солнце, слепившее глаза. Ощущения от этого были смутные и очень странные. Когда два конвоира толкнули в спину, я поднял взгляд на здание. Здание суда. Невольно задрожали руки? Чего я боюсь? Посмотреть в глаза родителям – этого. Заколотилось сердце. Хотелось развернуться и убежать. Не мог. Конечно, не мог.

Завели в маленькую обшарпанную комнату с лавочкой и вешалкой. Наручники не сняли. В целом даже ничего и не сказали. От стен эхом отражался стук собственного сердца. Становилось невыносимо жарко. Я сидел, смотря в стену. Стараясь унять волнение и сотни мыслей в голове. Поймал себя на том, что выкручиваю запястья в наручниках до жжения. Хватит. Надо успокоиться. Я должен был быть готов к этому. С двоими уже знаком. Третий. А будут ли там их матери? Смогу ли я выдержать ненавидящий материнский взгляд сквозь слёзы? Нет.

Вздрыгнул от открывшейся двери. Конвоир молча указал головой идти за ним. Голова гудела. Гудела звуками. Я в страхе распахнул глаза и оступился, за что сразу получил толчок. Не придав этому значения, двинулся дальше. *Он* подпустил *их* ко мне именно сейчас? Я не должен идти на поводу. Желание вырваться из крепких рук конвоира и сбежать прочь росло и достигало точки невозврата. И *он* знал, чем распалить бушующее внутри пламя. Возмущение сгладило углы. Это то, о чём он тогда говорил – я больше не придаю голосам того значения, что раньше. Сразу выстраиваю связь и понимаю, зачем и почему это происходит.

Волнение отступило, когда меня привели в кабинет и вместо всего ожидаемого там находился Борис. Я едва заметно выдохнул, в то время как он выглядел намного более встревоженным, чем в прошлый раз. Поторопил конвоиров, чтобы те выходили быстрее, оправдывая это малым количеством времени.

– Фсиновцы... – пренебрежительно и раздражённо бросил он вслед. – Меня к тебе с третьей попытки впустили! Так, смотри, – он стал быстро говорить, подсовывая мне несколько листов бумаги, – Подпиши – это ходатайства. Сейчас будет предварительное слушанье. Обычно это быстро. Тебе выдвинут обвинения, ты их подтвердишь так, как я тебе сейчас расскажу, понял?

– Да, – на самом деле понимал я не много. Стараясь параллельно вникать и в его слова, и в написанное на бумаге, кое-как скованными руками держал ручку.

Борис на мгновение скривился от безысходности, отняв у меня бумаги и мельком их осмотрев. Я помнил, что для его карьеры исход этого дела был невероятно важен. И понимал, что дуэт со мной обрекал его на провал.

– Будем с тобой топить на аффekt. Говори, что раскаиваешься, что не понимаешь, почему вдруг сорвался. Свидетель подтвердил факт нападения на него убитых. Это сыграет на руку. Понял?

– Да.

Борис заглянул мне в глаза, светя последней искрой надежды, и вновь рвано вздохнул.

– Это провал. Хорошо. Я попробую запросить суд присяжных... ну ты, по бумагам. Присяжные чаще всего влияют на смягчение приговора.

Я заикнулся для отвела, но Борис вскинул руку и сжал её перед лицом.

– Не хочу ничего слышать. Я смягчу тебе приговор на столько – на сколько смогу. Это надо, в первую очередь, мне.

Я посмотрел в пол. Прикинул в голове его шансы и смиренно кивнул.

– Господи, на самом деле, я бы тебя и не узнал, – он резко сменил фокус внимания. – Знаешь, в этом что-то есть.

Я пожал плечами.

– Не знаю, не рассматривал. В СИЗО с зеркалами скучно.

Борис нервно усмехнулся. Задержал взгляд на часах. 8:45. Я осмелился на вопрос.

– Кто будет присутствовать?

– Судья, секретарь, прокурор, по одному родителю погибших. На полноценном заседании, если до него дойдёт, придут все, кому надо и не надо, – он нервно постукивал пальцами по краю стола, на который опёрся бедром.

– У вас растрепалось, – я поднял обе скованные руки, указав на волосы.

Борис сначала непонимающе глянул, а потом пригладил волосы. Поправил одежду – пытался успокоиться.

– Ты такой спокойный, будто каждый день идёшь под обвинения по сто пятой, – он между делом возмущился, на что я хмыкнул.

– Было время всё обдумать и смириться.

– То есть ты так быстро смирился с тем, что проведёшь на зоне едва ли не столько же, сколько уже прожил?!

Звучало это действительно ужасно. Но я просто знал ещё давно, что это случится. Что я проиграю. Это всего-навсего было вопросом времени. Впрочем, эти мысли озвучивать не стал. Пожал плечами. Пусть думает, что я храбрюсь. Или что я больной ублюдок. В сущности неважно.

Дверь со скрипом распахнулась. Пора. Меня увели вперёд. Снова волнение. Сравнительно меньшее. Завели в кабинет. За столом в виде буквы «Г» посередине сидела строгая женщина – судья, по всей видимости. Слева за компьютером находился молодой мужчина – секретарь. Вскоре зашёл Борис вместе с ещё одним мужчиной. Прокурор? Они расположились по разные стороны от стола. Борис, что логично, был ближе к моей клетке. Спустя пару минут зашли уже знакомые лица. Хмуров, от чьего вида уже воротило, и Васильев. Третьей была женщина с чёрным платком на голове. Наши взгляды встретились. Я перестал дышать. Я не мог представить и половины того, что увидел в её глазах. Это пронизывало до костей – словно мгновенный призыв к самоуничтожению. Она не проронила ни слова, но этого и не было нужно. Я уже ничего не исправлю.

– Ещё кого-то ждём? – судья обратилась к прокурору. Тот ответил отрицательно.

Минуты тянулись часами, пока судья читала протокол. Наконец, снова заговорила:

– Предварительное судебное слушанье по делу №10-62953/2025 объявляется открытым. Прокурор, зачитайте состав преступления.

Прокурор встал, прокашлялся. Сверяясь с бумагами, начал излагать суть моего преступления. Я пропускал это мимо ушей – слышал уже много раз. Больше волновали дрожащие плечи женщины и тихие всхлипы. Часто её рука украдкой подносила платок к носу. Это вновь и вновь напоминало – почему я ненавижу себя.

– Сторона обвинения, что вы скажете по этому делу? – снова обратилась судья.

– Обвиняемый был взят с поличным на месте преступления. Написал чистосердечное признание. Предлагается осудить в соответствии со статьёй 105, частью 2, пункта «а» и пункта «д» уголовного кодекса РФ, учитывая в качестве смягчающего обстоятельства сотрудничество со следствием, на срок 20 лет лишения свободы в колонии строго режима.

В целом, всё, как и пророчил Борис.

– Услышала вас. Сторона защиты, согласны ли вы с обвинением?

Адвокат тайком рвано выдохнул. Заговорил быстро:

– Ваша честь, прошу учесть так же и другие обстоятельства преступления. Со слов свидетеля, Миронова Максима Сергеевича, подтверждается факт нападения убитых на него и на обвиняемого...

– Для убийства в результате превышения самообороны способ убийства слишком изощрённый, – его беспардонно перебил прокурор, отмахиваясь, будто от глупости.

Борис поджал губы. Выпрямился.

– Позвольте, я продолжу, господин прокурор, – тот сделал соответствующий жест рукой. Видимо, Бориса и впрямь не воспринимают всерьёз. – Так же, со слов свидетеля выяснилось, что убитый Хмуров Марк Витальевич имел негативное отношение к свидетелю и обвиняемому, всячески провоцируя на конфликт, и часто угрожал расправой. Факт убийства можно рассмотреть, как совершённый в состоянии аффекта и назначить наказание в соответствии со статьёй 107, частью 2 уголовного кодекса.

Судья не менялась в лице, оставалась сдержанной, обращаясь поочередно к участникам процесса.

– Отец убитого может подтвердить это?

Хмуров прокашлялся. Кинул в мою сторону суровый взгляд.

– Да. Мой сын и впрямь не состоял в дружеских отношениях с Мироновым. Но вы знаете, как это бывает у подростков – они частенько дрались, без всяких умыслов.

– Как вы тогда прокомментируете тяжёлое состояние Миронова, после избиения вашим сыном и остальными убитыми? – Борис обратил на себя внимание, будто ловил на слове.

– Я не могу знать, что было в голове у моего сына, – отрезал тот в ответ, – ровно, как и действительного зачинщика.

– Это не отменяет факта нападения.

– Господин Бауманов, – подчёркнуто официально обратился майор Васильев, – мы здесь с вами обсуждаем дело об убийстве, а не нападении.

– Придите к порядку, – строго прервала судья. Стороны смолкли. – Защита вам есть что добавить?

– Хочу запросить для обвиняемого проверку на определение состояния аффекта, а также провести все необходимые процедуры и опросы индивидуумов, которые могут об этом свидетельствовать.

– Я вас поняла. Обвиняемый, – её строгие глаза обратились ко мне, – что вы скажете по поводу обвинений?

Наконец, все присутствующие разом стали сверлить взглядами. Что я должен сказать? Они ждут.

– Обвиняемый, вам есть, что сказать?

– Да, – сквозь ком из осколков стекла, я выдавил ровную фразу. – Я признаю вину и раскаиваюсь в содеянном.

– Признаёте ли вы умышленный характер?

– Я... был не в себе.

– Он врёт! – восклик женщины содрогнул внутренности. – Он просто хочет избежать наказания!

– Придите к порядку! – в этот раз настойчивее. – Продолжайте, подсудимый.

Я проглотил осколок. Осмелился проговорить следующее, смотря в глаза бедной женщине.

– Мне без разницы, на сколько меня посадят. Я виновен и готов понести любое наказание. У меня всё... Ваша честь, – не нужно было видеть Бориса, что бы понять, что в душе он вновь взвыл. Впрочем, это беспокоило меня меньше всего.

– Хорошо... – судья взглядом проводила поданные Борисом бумаги, те, что я ранее подписывал. Вчиталась. Передала секретарю. Тот поставил печати. Вернул обратно. – Суд постановил на основании ходатайства обвиняемого Воскресенского Владислава Михайловича, заявленного в соответствии с пунктом 1 части 5 статьи 217 Уголовно-процессуального кодекса РФ передать дело №10-62953/2025 на рассмотрение суда присяжных. Следствию надлежит выполнить требование о сборе дополнительной доказательной базы по делу №10-62953/2025, в том числе удовлетворить запрос о проверке обвиняемого на наличие состояния аффекта на момент совершения преступления. Заседание объявляю законченным.

Как по команде, все пошли на выход. Когда кабинет опустел, один из моих сопровождающих отомкнул клетку и повёл следом. Вдоль коридора стояли участники. Их взгляды вновь впились. Тогда женщина, плача навзрыд, подорвалась ко мне. Васильев мягко удержал её за плечи.

– Сволочь! Что б ты сдох! Тварь, будь ты проклят! Ты и вся твоя родня, урод!

Будто потакая, конвоиры вели медленно. Выкручивали руки сильнее. Я хотел повернуть голову в её сторону. Позволить высказать всё в лицо, не сбегая от ответственности. Тяжёлые руки не дали – надавили на затылок. Дёрнули.

– Пошёл!

Она продолжала кричать вслед, срывая голос. Выворачиваясь от горя наизнанку. Меня колотило. Я желаю себе всего того же.

Автозак. Путь обратно прошёл в лихорадке. В попытке её сдержать и не выпустить наружу. Снова обыск. Камера. Словно безэмоциональная на вид тряпичная кукла я доехал. Упал коленями в пол. Я чудовище. Чудовище, что отняло сына у матери. Невольно в голову лезли образы. Я представил на её месте свою мать. Как надрывается и страдает она. Грудь жгло. Я сжал руками футболку и склонился к полу. Беззвучный крик. Я устал причинять боль.

– Что б ты сдох!.. – руки ударили в пол. Ещё. Ещё. – Я тебя ненавижу!..

Бешеный взгляд бегал по камере в поиске хоть чего-нибудь. Чего-нибудь, чем можно себя наказать. Удовлетворить всеобщее желание. Разрушить себя, сломать, уничтожить. Себя. Не кого-то другого. Я мог сколько угодно винить во всём *его*. Но всегда виновен был сам.

От безысходности мог лишь ударять бетон. Это не приносило успокоения – лишь глубже запечатывало его. Я выдохся. Распластался на полу. Долго слушал дыхание, смотря в потолок.

– Слушай. А тебя как зовут то? – в окончании фразы истерически рассмеялся от абсурдности. – Знаешь, не то, что бы мне не до пизды на это сейчас. Но я так чертовски заебался видеть тебя собой. Ассоциировать. Я хочу видеть границы наших действий, – будто оправдываясь, я продолжал говорить то, что считал бредовым. Сам факт заведения диалога вслух уже был маркером пошатнувшейся психики. Я не знал мотива своего действия. Я вообще ничего не знал.

– *В вашем мире мне дали имя Кикар. Не имя. Название, как виду.*

В его спокойном голосе я уловил пренебрежение. Существо из другого мира. Настолько плевать ему было на чужие жизни, на боль и страдание. Эти мысли щипали глаза. Я обречён на вечное заточение с этим? И пусть. Теперь я заслужил находиться бок о бок с тем, кому плевать так же, как было и мне.

– *И что, ты смиришься?* – снова усмешка.

– Да пошёл ты, кикар.

Следующий день тоже решил не быть серым. Дверь в камеру открылась на этот раз чтобы впустить мужчину в приподнятом настроении. Со спортивной сумкой на плече он остановился в середине. Мгновение поколебался, а потом воскликнул:

– Так эт ж ты!

Я ответил непонимающим взглядом, на что мужчина усмехнулся:

– Везли ж нас сюда вместе. Странно, что я признал, а ты нет.

– Темно было, – неопределённо качнул головой. Хорошей памятью на лица я и без того не обладал, а сейчас провалы мучали вдвойне. Хотя, может и к лучшему это.

– Ну дела-а, – он кинул сумку на койку напротив меня и упал рядом. – Ну что ты тут, освоился?

От него всё так же разлило энергией, будто в СИЗО привезли только меня, а его же завезли в санаторий.

– Вам я смотрю, здесь комфортно.

– Ну не прям курорт, конечно, – он усмехнулся, почесав нос, – но переждать можно.

– А... вас только сейчас из карантина перевели?

– Да. Идиоты личное дело профукали, да забыли про меня. Понабирают всяких... – он недовольно махнул рукой, но сразу оживился. – Ну мне в принципе по барабану. Соседи у меня ровные были, я б с ними и остался. Ну ты не подумай! Я и тебе рад!

Я посмеялся оговорке.

– Слуш, а тебя как звать то?

Мой новый сокамерник, представившийся Василием Дроздовым, но просящим называть себя не иначе, как Дрозд, умел разговаривать. Увлекал в беседу он легко, так же умело вытягивал информацию. Отчего-то слишком легко было делиться с ним подробностями жизни. В один момент я даже поймал себя на мысли о том, что в шаге от того, чтобы поделиться и наличием подселенца внутри. Эти мысли сразу же откинул в ужасе. В тот день, в принципе, и осознал, как именно бабушки переводят мошенникам свои миллионы. И всё-таки чувствовалась в нём опасность от владения своей информацией.

Говорливый сосед так же знал, когда остановиться. Либо сам растрачивал всю социальную батарейку на одного меня. Другими словами – комфортно молчать тоже умел. А потому мои монологи самоугнетения и ненависти к себе же равномерно разбавлялись разговорами на обширное количество тем.

Это было странно. До ужаса странно и инородно. Во время отбоя я в очередной раз смотрел в потолок, не в силах заснуть из-за мучавших еженощно кошмаров. Думал. Думал о своей жизни. Осознание ударило под дых – я спокойно общался с определённо большим количеством людей здесь, в неволе, чем ранее. Да, меня всегда сторонились. Не сложно догадаться почему. Люди вокруг всегда просто чувствовали себя не комфортно от меня. От *него*. Его аура. Энергия. Атмосфера. На подсознательном уровне от меня хотели избавиться. Сначала ровесники. Потом их родители. Мой собственный отец. Возможно, с годами это утихло. Но тогда уже я сам не хотел пытаться. Сам воздвигал стену.

А теперь... Этот... *кикар*... до сих пор ощущается. Но теперь у этого будто есть причина. Я источаю опасность не просто так. От этого легче. Меня ненавидели потому, что они не понимали, почему я им не нравлюсь. Теперь люди видят чётко, почему меня можно избегать. И, чёрт возьми, не делают этого!

Я беззвучно рассмеялся в потолок. Свой маленький анализ распознал, как то, что схожу с ума.

Через пару недель свободных мест в нашей камере не осталось вовсе. Те же суровые работники привели растерянного парня. Тот выглядел молодо. Слишком молодо

– Этого принимайте.

Парень застыл у двери. Я кинул взгляд на Василия. Тот как-то многозначительно посмотрел в ответ. Встал. Заговорил нарочито серьёзно и враждебно.

– что-то на тюремном.

Парень растерялся. Что-то промямлил. Забегали глаза. Василий мерно закивал головой.

– Ну раз ты понятий не знаешь, значит опускать тебя будем.

Не знаю, было ли видно по моему скептическому взгляду отношение к выходке, но Василий не сдержался и сам. Рассмеялся. Хлопнул парня по плечу.

– Да шучу я, шучу.

Парень либо не поверил, либо просто находился в ступоре.

– Как звать тебя?

– Артур Неволько...

Василий резко обернулся на меня с удивлённой улыбкой. Я эмоций не выказал, тогда он экспрессивно переспросил:

– Не гонишь?

Артур мотнул головой, и тот прыснул со смеху. За его спиной иронию оценил и я – усмешкой.

– Не сердчай, правда. Уж больно смешное совпадение, – на продолжающееся изображение столба со стороны нового соседа, Василий будто ещё больше заводился сам. – Ну хватит столбом стоять. Роняй на койку и садись.

Он настойчиво подтолкнул парня в спину. Тот покорно сложил сумку и простыни наверх. Василий нетерпеливо усадил рядом с собой.

– Ну рассказывай, что за беда у тебя? С чего перепуганный такой?

– Я... за наркотики.

– О! – он выставил палец вверх и наклонился ко мне. – Народная! А я всё ждал, когда ж повстречаю. А зашуганный чего такой?

Артур нервно усмехнулся:

– Впервые, знаете ли...

– Вон, товарищ тоже впервые, – он снова обратил внимание ко мне, – ничего, освоился.

– Но я не виноват, понимаете? – он будто, наконец, ожил. Ступор сменился волнением.

– Да мы тут все не виноваты, пока судья не докажет, да?

Василий продолжал искать во мне поддержки разговора. Я на контакт шёл слабо, но решил-таки отшутиться, дабы прекратить источать напряжение.

– Ну это вы за себя говорите.

Он махнул на меня рукой. Артур попался на удочку вовлечения в разговор.

– А вы за что здесь?

– Ты б хоть для приличия перед статьёй имена спросил, – Василий изобразил оскорбление, но скоро снова добродушно перебил сам себя и продолжил поучительно. – Да ладно, не бери на себя. Зовут меня Василий Дрозд. Статья у меня 159.

– Это за что?

– А вот... сам попробуй выяснить, – хитро сощурился Василий. – Будет тебе пища для размышления. Но сразу скажу – ни одна из грязных! – будто не желая допускать в чужих мыслях такого о себе мнения, он сказал серьёзно и твёрдо.

– Это типа не за пдф и всё в этом духе?

Василий слегка завис, заставив меня усмехнуться.

– Да, ты всё правильно понял. А вам прям обязательно всех новичков терминами путать?

– Прям вот путаю!

– Ага, я от вас тоже в первый день наслушался, а потом вы и сами про жаргон забыли. И шконки у нас койками стали, и пальма вторым ярусом снова стала называться...

– Ну дай ты мне повыделываться перед молодняком!

Я качнул головой с улыбкой. Повеселел и Артур.

– А это Влад. Ты его лишний раз не трогай – он хмурый у нас.

Передёрнуло. От созвучности.

– Обычный я.

– А какая статья?

Я понадеялся на тот же эффект.

– Сто пятая.

– Ну и загадки у вас, – он протёр лицо руками. Было видно, что измотан.

– Есть у меня, к слову, парочка...

Как и ожидалось, Василий стал травить загадки вперемишку с анекдотами. Никогда бы не подумал, что это начнётся всего лишь через месяц, после моего заключения. Но практическая польза у этого была – обстановка разрядилась. Наш новый сокамерник оттаял и оживился – перестал быть похожим на комок нервов и теперь вёл себя обычным человеком. Очень быстро загадки сменились вытягиванием информации – у Василия к нам обоим был схожий подход. Очень скоро я знал об Артуре больше, чем хотел бы. Он легче меня шёл на диалог и вполне охотно делился подробностями.

Артуру недавно стукнуло 18. Получил права, на которые сдал заведомо уже в 16. Потом знакомый знакомого подогнал «темку» для заработка. Два килограмма гашиша. ДПС.

Досмотр. Так и загремел. «Я даже не знал, что там именно!» – сокрушённо рассказывал он. Потом дошли до причины ступора.

– Они сказали, что... бить короче будут. Чтобы я подписал, что больше вёз, – Артур уже сидел наверху на своей койке. Пальцы нервно теребили одежду.

Я жсал зубы. Не удивительно. Даже ожидаемо.

– Ну пара кило анаши на пару лет то и потянет. Хотят просто за твой счёт себе норму раскрываемости поднять.

– Они правда будут, или просто запугивают? – опасно спросил он.

Василий тяжело вздохнул. Я отвёл взгляд. Конечно, будут. Никто их не остановит.

– Если б ничего их не останавливало – уже бы начали, – будто прочитав мои мысли, проговорил Василий. – Молодых реже трогают. Стремятся, что за тобой хвост будет.

– Почему именно молодых? – я не удержался от вопроса.

– Ну смотри. Он птенец ещё, за него и родители грызть могут начать. Если б на его месте я был – у меня ни жены, мать на пенсии из дома не выходит. Опоры нет, понимаешь? Им бы, конечно, и так ничего не сделали – просто лишний шум.

– Так почему тогда всё-таки полезли?

– На авось надеются. По-хорошему меньше следов будет – он подпишет, потом скажет, что заставили, а ты пойдешь докажи! – он вскинул руку в сторону выхода, потом стал загибать пальцы. – У тебя ни побоев, ни записей с камер. Лёгкую добычу они в тебе разглядели. Без напряжения.

Да, сам видел, как о побоях замалчивают. Борис до сих пор не в курсе о попытке вскрыться. Мы для них лишний шум.

– Ещё просто на лапу могут хотеть, чтобы дали. Щас ты напугаешься, потом мать напугается, да и откупится. А вообще – чёрт их знает. Может это сегодняшней смене запахло тебя томить. Завтрашней уже может и плевать на хвост будет.

Было видно, что лучше мы своим разговором не сделали. Артур теперь совсем потерялся. Положение у него действительно было шаткое. Вроде и обнадежили, а вроде и запутали.

– А вы бы как сделали?

– Я б на лапу дал, – быстро ответил Василий. – Лучше карман посвободнее будет, и я вместе с ним. Чём чёрт не шутит.

Артур глянул и на меня с этим вопросом. Словно по мне было видно, что я в теме. Кольнула догадка – может его и ко мне в камеру посадили, чтобы повлиял. Одно дело словами запугивать – другое показать результат. Плохой только вариант выбрали. Бракованный.

– На меня не смотри, я тебе не советчик.

Уподобляться не буду. Да и влиять ни на что не хочется.

От металлического скрипа все вздрогнули. Встали.

– Воскресенский, на выход.

Насторожился. Куда? Спрашивать, по обыкновению, не стал. Гадкое чувство тревоги и предвкушения злило. К тому же, каждая новая вылазка проходила по новому маршруту. Я даже приблизительно не мог догадаться, что меня ждёт – психотерапевт, недовольное лицо адвоката или же Хмуров со своей группой поддержки, а может и только последние. Наконец, привели в комнату. Вдоль одной из стен стояли перегородки, стулья и столики. Тянулось длинное окно с другой комнатой. В каждом окошке стояли телефоны. Мне указали на место. Быстрый равнодушный взгляд в эту сторону перехватил дыхание. Я оступился. Нервно окинул взглядом помещение. Может уйти? На ватных ногах подошёл к стулу. Сел. Дрожащая рука неуверенно потянулась к телефону. На выдохе приложил трубку к уху и посмотрел вперёд. Та же расслабленная полуулыбка и взъерошенные волосы. Он остался таким же, хоть и глаза выдавали хранищуюся внутри печаль. Тревогу. Непонимание. Нет, не делай вид, что понимаешь его чувства.

Динамик хрипнул. К горлу подобрался осколок.

– Я тебя сначала даже не узнал.

Он видел. Он всё видел. Он запомнил меня убийцей, так зачем он пришёл?

– Жаль твои волосы... Не в смысле, что тебе так не идёт! Просто они тебе нравились, я думаю... Но и так тоже хорошо, конечно...

Он путался в словах, мыслях. Я тоже путался. Всегда в нём путался. Пальцы сжимали телефонную трубку, пластик тихо поскрипывал. Почему он несёт какую-то чушь? Почему он делает вид, будто мы не говорим друг с другом в комнате для свиданий? Вторая рука под столом отчаянно пыталась впиться ногтями в ладонь. Ответь ему.

– Вообще, меня очень долго к тебе не пускали. Наверное, потому, что мы не родственники. Пришлось у твоей мамы номер адвоката выпрашивать, чтобы он помог убедительную заявку отправить.

Он говорит с тобой на равных. Спокойно. Без осуждения. Почему ты молчишь?

Потому что я слишком виноват перед ним. Об этом кричит всё нутро – буря эмоций хочет вылиться наружу. Высвободиться и сказать... Что сказать? Что я могу ему сказать?! Он не будет сидеть здесь вечно, говорить сам с собой – он уйдёт. Он уйдёт. Я не увижусь с ним больше. Не буду частью его жизни, хоть и самой малой, и прогорклой. Когда этот разговор оборвётся – разойдутся наши пути. Я останусь здесь – в камере. В заточении с самим собой и последствиями своих поступков. Справедливо. Так же, как и он справедливо будет жить дальше. Без меня, способного просто сорваться в любой момент и всё сломать.

Он продолжал смотреть. Смотреть с тоской. С жалостью. Ждать ответ. Почему я не видел неприязни в его глазах...? Разве так смотрят на убийц...?

– Ты растерян моим визитом? – он шумно выдохнул.

Я сжал зубы до писка в ушах и кричал. Кричал сам себе. Неужели я готов попрощаться с ним молча?! Хоть слово... я прошу...

– Почему ты пришёл?

Он помолчал. Нахмурил едва заметно брови ища ответа. Я был уверен, что он ждал этот вопрос. Наверняка уже был готов дать ответ заранее. Так почему отклонил его? О чём он подумал, увидев меня теперь?

– Потому что хотел повидаться. Разве не очевидно? – смешок ударил под дых. Такой он до боли простой, что мне хочется выбить из себя всю дурь самостоятельно.

– Макс. Ты же... – как тяжело было говорить, – как ты можешь хотеть меня видеть после того, что я сделал?

Идиот. Сам завёл эту тему. Хотя это было очевидно. Я не избегал последствий. Никогда не избегал.

– Да, конечно, странно держать в голове всё это. Будто страшный сон. Я... я не знаю, как мне относиться к этому. С одной стороны, мой одноклассник мёртв, – он не сдержал истеричный смешок, – с другой стороны, чуть не откинулся я сам. Не знаю, – он прикрыл глаза и устало потёр переносицу, – так, наверное, плохо говорить, но эти трое были настоящими отморозками. Я не могу сочувствовать им в полной мере. Как ты справляешься с этим?

От вопроса застучало сердце. Такая неясная смесь эмоций от переживания за мои чувства. Мои!

– Я не справляюсь, – можно было говорить только искренно. Он бы понял, соври я, да и деваться мне некуда. Самое худшее я уже показал. – Я тоже плохо понимаю, как должен сочувствовать. Кажется, я не испытываю жалости к ним. Но они не заслуживали смерти. Я виню себя за то, что не сдержался. За то, что ты пережил это. Я просто ненавижу себя, – голос хрип и затихал. Слова и признание – они сами вырывались. Изливать перед ним душу всегда было проще.

– Ты не виноват.

– Не отрицай очевидное. Не делай это так легко.

– Я не отрицаю. Они убиты твоими руками, но не тобой.

Пробило током. Почти тем же, что и тогда. Так непринуждённо, что я не смог ответить. Он и не ждал.

– Думаю, здесь мы это обсудить не сможем, а значит и вообще не сможем. Но просто знай, что я понял твою основную проблему. То, о чём ты так боялся рассказать.

Я не мог позволить себе опустить глаза. Тело пробивала дрожь – её я сдерживал и не хотел показывать, но та предательски колотила. Нужно менять тему.

– Как ты себя чувствуешь после всего?

Он облегчённо моргнул. Плечи расслабились.

– Сейчас почти нормально. Тяжести носить нельзя и спортом заниматься – да и я бы не смог. Глубоко дышать больно, и голова кружиться, – понимая мой следующий список вопросов, он сам продолжил. – У меня было сотрясение, перелом двух рёбер и внутреннее кровоотечение. Это из основного. Меня хотели ещё на месяц оставить валяться, но я подумал, что с меня хватит больничной койки. В этом унынии ещё 4 раза заболеть можно, – он недовольно проворчал последнюю фразу, на которую я не сдержал смешка.

– Макс, если врачи сказали лежать – нужно лежать.

Стало легче. В разы легче. Хоть от одного сожаления я смог избавиться – мы увиделись напоследок. Говорили долго – максимум, который был позволен. Я смог выведать обо всём, что происходило там снаружи. Впервые в душе появился намёк на тепло. Хоть это и тепло от спички в метель. Тоска обрела завершенность. Сбросила крошечный осколок с камня на плечах.

Мы не увидимся больше. Но он продолжит жить жизнь обычного человека. Он заслуживает этого. Ну а я буду хранить тёплые воспоминания о нём до конца. Если совесть позволит забыть о совершённом и погружаться в эти дни снова и снова.

ГЛАВА 5

Забывать что-то. Выбросить из памяти нарочно или просто утратить? Стоит ли возвращать забытое? А вдруг забвение – милость? Вдруг я сам для себя стёр всё это, чтобы мыслями больше никогда не быть в том дне? Или это снова сделал за меня кто-то другой?

А может стоит всё-таки вспомнить?

4 февраля

– Эй, а ты знал, что мы соседи? – как всегда радушный он нагнал меня по пути домой. Поравнявшись, развернулся спиной вперёд и продолжил так идти.

– Чудно, – я не ответил тем же.

– Тебя ничем не удивить, – он лукаво улыбнулся.

Я остановился.

– Что ты ко мне прицепился? – меня злило. Раздражало. Бесило то, что я никак не мог спровадить его.

– Если честно, мне кажется, что одиночество разрушает тебя, – голос был слегка печальным и до ужаса спокойным.

– А у тебя синдром спасателя? – я старался уколоть. Заставить бросить глупую идею сближения.

– Может и да, – на честность я лишь шумно выдохнул, – но от меня не убудет поддерживать с тобой хорошие отношения. Чтобы ты не чувствовал себя...

– Изгоем?

– ...брошенным.

– Кем брошенным? Тобой, что ли? У тебя прям личная миссия всех обездоленных пригреть?

– А у тебя пунктик на пустые оскорбления, лишь бы в покое оставили?

Я повёл щекой.

– Угадал.

Этот парень – было ясно, что он доставит мне проблемы ещё с самого первого взгляда. Сам он, конечно, ни в чём виновен не был. Искренность и доброта, с которыми он шёл навстречу, топтала мои внутренности. Ворошила не только их, но десятки голосов внутри. Я не хотел снова наступать на старые грабли.

По спине пробежал холодок. Машинально я сделал шаг в сторону. Не зря – тут же на плечо Макса опустилась рука. Я лениво поднял взгляд.

– Привет, девчонки.

– Марк, отъебись, а? Не до тебя сейчас, – он скинул его руку, но та в ответ настырно вернулась обратно, крепче обвив шею.

– Ну что ты петушишься то сразу? У меня к тебе важный разговор. Тебе очень понравится, – он самодовольно скалился. – Подружка твоя не против? – это уже было обращено ко мне, но я лишь равнодушно смерил их двоих взглядом.

– Мне похуй, – развернулся и неспеша пошёл дальше.

– Господи, и чтоб я делал, если б ты был таким же ссыклом? – сзади донеслась фраза с наигранным удивлением. У меня это эмоций не вызвало. До дома осталось немного.

– Перестал бы на меня дрочить или типа того, – Макс ответил усталым вздохом. – Просто адекватный человек не хочет тратить время на такого обиженного, как ты.

Это я адекватный то? В ответ послышалось невнятное шипение и возня. Я остановился. Никак не мог понять, что же мешает идти дальше. Поманило развернуться. Нет. Я там не нужен. Они сами разберутся.

Ноги решили иначе – уже сделали шаг обратно. Сжав зубы, я шёл к двоим. Обрывок фразы:

– ...может что-то нормальное из тебя получится...

Сердце застучало в ушах. Или это было насмешливое «узнал себя?». Неважно. Рука уже вцепилась в плечо Макса и потянула к себе. Я встал между ними. Бессознательное действие кончилось – дальше нужно было думать.

– Знаешь, я резко вспомнил, что он мне ещё понадобится, – звучало криво и несуразно.

– Шёл бы дальше, пока не трогают, уцербный, – он прошипел, я заметил, как машинально дёрнулась рука.

– А ты тронь, – в холодной фразе сквозила угроза.

– Хочешь, чтобы я тебя прямо здесь отпиздил? Жить надоело?

Дистанция сокращалась. Тело напряглось.

– Надоело.

– Так! – нас раздвинули руки Макса. Он встал между нами. – Успокоились оба. Хватит посреди улицы цирк разводить. Марк, твои угрозы мне по фени, иди куда шёл, ради бога, – следом он развернулся ко мне. Почему-то, сказал строже. – А ты не связывайся с ним.

– Какие смелые, когда в парочке, – он брезгливо сплюнул. Я продолжал сверлить взглядом, пока он сам не разорвал контакт. – Ладно, живите.

Так же быстро, как и появился, он ушёл. Проводив его спину, Макс выдохнул.

– Спасибо, что вернулся. Не хотелось опять от Лилии Антоновны потом за драку выслушивать.

– Он просто бесит меня больше тебя.

– Эй! А я-то чем раздражаю?

– Да не знаю! – я всплеснул руками. – Ты слишком какой-то... Адекватный! Чтобы тратить время на меня. Буквально сам только что сказал! – он выводил на эмоции, незаметно для меня самого. Взаимодействуя с ним, было слишком сложно сохранять прежнее спокойствие. Видимо, именно это меня и отталкивало.

– У меня есть несколько эгоистичная причина, – он усмехнулся. Поколебался. – У моей мамы шрам от ожога на половину лица, шею и левое плечо.

Я осадился, дёрнув головой в сторону. Откровение было неожиданным. Вот так посреди улицы?

– Я не вижу связи.

– Просто порой я замечаю, как на неё смотрят другие. В такие моменты думаю о том, что ей пришлось бы не сладко, если бы она получила свой в том же возрасте, что и ты.

Я криво усмехнулся. Что он может знать?

– Не надо меня жалеть. Я сам это сделал. Сам и буду с этим жить.

– А можно я узнаю о тебе, а не о твоих шрамах?

конец записи

Это мог быть тот день.

Рука сжимала чью-то чужую. Темнота мешала разглядеть хоть что-то. Восклик заставил одуматься и разжать пальцы. Я прищурился.

– Что ты делаешь?

– Я что делаю? Ты что делаешь!? – громким шёпотом ответил Артур. Я протёр глаза. Темно вовсе не было. В камерах никогда не выключали свет полностью. Лишь приглушали.

– Прости, я рефлекторно, – смазано ответил и сел.

– Вы чё там возитесь? – Василий, видимо, проснулся от нашего, пока что мне не ясного, взаимодействия. Впрочем, сразу же уснул.

Я вновь обратил вопросительный взгляд к Артуру. Тот сел на табурет.

– Ты говорил что-то и метался. Я тебя пару раз позвал, ты не ответил. Решил разбудить. Я нахмурился и завис. Мгновением позже пришло осознание, что это был за сон. Воспоминание. Воспоминание, что теперь ощущалось по-другому. Марк мог задумать это раньше. В тот день заманить его в проулок. Если бы я не развернулся – они бы избили его ещё тогда. И я бы не стал участником – просто не узнал бы об этом никогда.

Пробила мелкая дрожь. Неосознанно впился в ладонь ногтями. Я не убил бы их, если бы всё случилось тогда.

– Всё нормально?

Снова посмотрел на Артура. Он выглядел сонным, но ждал ответа. Почему ж их всех так интересуется моё самочувствие, чёрт возьми?!

– Да. Просто сон.

– О чём?

– Не помню.

Он продолжал сидеть. Будто решался спросить. Ожидания оправдались быстро.

– Скажи... ты же за убийство здесь?

Я вздохнул. Быстро он.

– Как догадался?

– Адвокат подсказал.

Я кивнул, не зная, что говорить дальше. Не хотелось ничего. Мысли забиты другим.

– Говорят, ты убил сына майора и подполковника.

– Кто говорит? – глаза метнулись в его сторону. Не думал, что по СИЗО будут расплываться слухи.

Он провёл рукой по шее, глянув в сторону. Протянул неясное «э-э», подбирая ответ. Я сдвинул брови. Почему не говорит, от кого узнал? Запретили? Или боится, что пойду разбираться? Да уж, вот прям так выйду и пойду прописывать на орехи. В любой момент же могу выйти прогуляться.

– Не хочешь – не говори. Мне без разницы, в целом.

– Да нет, просто... – он выдохнул, дёрнув плечами, – это я сам попросил узнать.

– Вот как, – я сложил руки на груди и откинулся к стене, изображая заинтересованность.

– Не пойми неправильно. Маман просто беспокоится – кто тут со мной. Ну я и спросил у адвоката за статьи, а потом и интересно стало...

– Я понял, всё в порядке.

– Но про тебя и впрямь по городу говорят. Правда везде разное.

Я зло усмехнулся в сторону – тайна следствия. Интерес взял верх, когда я показательно отстранённо задал вопрос. О нём, в общем-то сразу и пожалел.

– Ну, одни говорят, что школьник убил двоих одноклассников. Другие, что это просто драка была и четверо погибло. Третьи вообще про то, что наркоман заманил троих и убил в проулке.

С миру по нитке – и можно собрать целостную картину.

– И что, по-твоему, в итоге правда?

– Адвокат сказал верить СМИ, но маман кроме телека ничё не смотрит.

Да, не хотел я такой огласки. А с другой стороны – какая разница? Мне от этого ни легче, ни тяжелее не становится. Хоть бы мать не трогали. А в курсе ли отец? Почему я о нём подумал?

– Знаешь, мне было бы спокойнее, если бы я знал, с кем рядом сплю.

Пробежала едкая мысль: «Мать науськала?». Её я сразу отмёл – плевать на желчь не стоит. Он прав. Может быть, на его месте я бы думал так же.

– Три неприятных мне человека избили моего друга, – я говорил в сторону. Не нужно вкладывать в слова эмоции. Просто расскажи факты. – Мне сорвало крышу, и я их перебил на

месте. Один из них наш одноклассник – по совместительству, сын подполковника внутренних дел. Второй сын майора полиции. Его я, как и третьего, вообще не знал.

– А что с другом?

Я старался не смотреть на Артура, а потому не знал и реакции. По голосу тот казался напряжённым, но заинтересованным.

– Сейчас всё хорошо. Он много времени в больнице пролежал – сотрясение, внутреннее кровотечение, рёбра поломали.

– Пиздец, а за что его так?

– Хороший вопрос. Очень хороший. Я не знаю на него ответ.

Повисла тишина. Конечно, был ряд, якобы, причин. Но я не считал их достаточными для группового избиения, а потому не перечислил.

– Уроды, конечно. Думаю, я бы тоже не смог такое стерпеть.

Я громко рвано вздохнул.

– И всё равно я не должен был их убивать. Отходить так, чтобы мать родная не узнала – да. Заслужили. Но не смерти, – ответил непривычно развёрнуто без просьбы. Подсознательно захотел успокоить, наверное.

– Но ведь внутреннее кровотечение – это смертельная штука. А если бы они его убили, ты бы так же думал?

По спине пробежал холодок. Глаза слишком резко метнулись в сторону Артура.

– Не говори такие вещи.

Слишком холодно. Я сглотнул ком. Нужно держать себя в руках. Артур понял, что сказал лишнее – прокашлялся потупил взгляд.

– Ты меня боишься? – вопрос в лоб, но я должен разобраться в отношении других ко мне. В этом до ужаса странном феномене.

Артур неопределённо пожал плечами. Поморгал, набирая в грудь воздух.

– Я не знаю как к тебе относиться. С убийцами я не водился. Просто как-то... Напряжно мне, – он будто путался. Остановился. Глубоко вздохнул и резко проговорил. – Я не могу быть уверен, что ты не кокнешь и меня!

– Почему я должен это делать? Ты видишь какие-то сигналы? Или причины?

– Это просто ощущение. Типа ты вроде вообще ничего не делаешь. Просто сидишь, а я какой-то вечно наготове.

Да, Оскар говорил примерно то же.

– А пока ты не узнал, что я убийца – было так же?

– Тогда я просто не знал чё конкретно ты сделал. Логично, блять, что ты здесь за дело!

– Если тебе станет легче, убивать я больше никого не собираюсь.

– А какого это?

Помолчал, подумал. Это вообще здоровый интерес? Хотел бы я узнать какого отнять жизнь до того, как сделал это? Нет, не хотел. Я боялся этого знания всю свою жизнь. Боюсь, впрочем, до сих пор. Боюсь вновь ощутить это, хоть и не помню себя в моменте. Я знаю последствия, знаю, как это было. Но момент – я в нём не участвовал.

Осознав затянувшееся молчание, кратко кинул:

– Неприятно.

Наконец, прочитав в моих ответах нежелание обсуждать это, Артур вернулся ко сну. Хотя скорее мы просто оба теперь молча глядели в потолок. Засыпать снова было тревожно. Что ещё мне может подкинуть моё сознание?

Оказалось, рассвет уже был близок. Скоро объявили подъём. День ничем не отличался от предыдущих. И следующий за ним тоже. И после этого. Разве что в камере становилось жарче, видимо, от поднимающейся температуры снаружи.

– Эх мамка курева не положила. Ну как так-то! – Василий сокрушённо восклицал, разбирая передачку с воли.

– Здесь разве можно курить? – соответственно задал вопрос Артур.

– Естественно, нельзя, – поучительно ответил тот. – В камере строго настрого запрещается курить... когда помимо тебя в камере ещё и мент стоит. А так что мы им – дел полно каждые 15 минут проверять, – он продолжил рыться в сумке, пока, наконец, не воскликнул. – Вот он. Поймались, браконьеры!

Я глянул издалека в его руку. Маленький сотовый телефон пикинул, включаясь.

– А это...

– Цыть. И это нельзя, конечно. Мамка под бумажками ценными припрятала, чтобы глаза закрыли. Но если прознают – выволокут.

– У нас обыск каждую неделю, – как бы невзначай напомнил я. Василий махнул на меня рукой.

– Если знать, где прятать, можно и сокамерника схоронить.

– А зарядка? Тут розеток нет, – Артур озвучил и мои мысли. Мы с интересом уставились на хитрый прищур Василия.

– А ему думаешь много надо? Звонить есть кому? – он подмигнул в сторону Артура.

– А можно? – он в ответ будто просиял.

– Недолго позвонить отметить без наблюдения. Звони. Потом я уже – мне дольше надо.

Артур повеселел. Набрал номер и жизнерадостно оповестил мать о том, что это он. Говорил быстро – больше отвечал на вопросы про питание, отношение и всё подобное. Отстрелялся и вернул телефон. Тогда он протянулся мне.

– Есть кому?

Донельзя верный вопрос. Я колебался.

– Думаешь, стоит ли?

– Угадали. Не хочу её тревожить.

– Дурак ты, Влад, – поучительно протянул Василий и всучил телефон. – Мать – она же всегда ждёт! Звони давай!

Сопротивляться дальше было бы глупо. Набрал номер. Гудки. В душе надеялся, что она не возьмёт трубку. Я не знал, что говорить. Нужно было отказаться. Не тревожить.

– Алло? – тихий голос. Печаль всегда сквозила в нём, делая его таким же хрупким, как и сама она. Тревога – она, вероятно, боялась плохих новостей.

– Мам, это я.

– Влад, – удивление, – как ты звонишь?

– Нашёл у кого попросить на один раз. Как у тебя дела?

– У меня... да всё хорошо, вот только с работы вернулась, – она в растерянности стала перечислять домашние дела. Сама наметилась улыбка. – Я-то ладно – у тебя всё хорошо? К тебе Максим ездил, сказал, что ты уставший.

– От чего ж я тут уставший? – я тепло усмехнулся. – Целыми днями только и сижу, да круги по камере наворачиваю. Соседи у меня тут хорошие, хоть поговорить есть с кем.

– Это хорошо, что хорошие. Спокойно всё, да?

– Да, – я как можно быстрее сменил тему. Не хотелось делать это резко, но и тянуть тоже не к чему. – Мам. Тебе говорили, про суд?

– Мне звонил Борис Артёмович, да. Он сказал, что мне придёт уведомление на почту о дате...

– Ты можешь не приходить?

Тишина передавалась хрипом динамика.

– Почему?

Я закусил губу.

– Я не хочу, чтобы ты имела к этому отношение.

«Не хочу, чтобы на тебя смотрели так же, как на меня,» – слова застряли куском железа в горле. Она не должна переживать ненависть к себе из-за меня. Она не причастна к этому. Похоронить дочь и посадить сына – я не знаю, как она держится. Как продолжает.

Да никак. В ней нет жизни. Она будто существует – без интереса, без подруг и мужа. Она ходит на работу, занимается делами по дому и ложится спать. Больше ничего. Лишь изредка ездит к своим родителям – возвращается и тогда спит вдвое больше. Я не хочу для неё этого. Никогда не хотел.

– Тебе там не место.

– Я поняла тебя, – смиренно проговорила она и замолчала.

Я подумал о том, что диалог пора заканчивать – пора прекращать её изматывать. Но не сдержался:

– Как Макс? Марина с Сергеем? Вы общаетесь?

Она умиротворённо вздохнула. Хрипнул динамик.

– Да, Владик, общаемся, – колючки забегали под кожей от обращения. Я так давно его не слышал. – У Максима тоже всё в порядке. Хотя и пропустил много – экзамены хорошо сдал. А как тебе быть? Тебе разрешат сдать?

Я проронил смешок. Экзамены. Само слово казалось инородным, если произносить его в камере СИЗО.

– Не знаю, мам, спрошу, – пояснять ничего не стал. – Ладно, давай. Время у меня заканчивается.

– Пока, сынок.

Я протянул телефон. Рука дрожала. Быстро отдёргнул. Да, они заметили. Да, я не смог сдержать бушующий ураган. Провёл ладонью по голове. С силой закусил палец. Тишина звенела колоколом. Или это было только в моей голове. Я не поднимал взгляда, но чувствовал две пары глаз. Наконец, сделал глубокий вздох и запрокинул голову. Серый потрескавшийся потолок не смог дать подсказку.

– Я проебался во всём.

На плечо опустилась рука. Впервые поддержку захотелось принять. Было то самое ощущение, что я понят. Что я среди тех, кто, хоть и по-своему, но разделяет мои чувства.

– Это наш второй разговор, и я хочу биться головой об стенку не меньше, чем в первый.

– Правильно, что попросил не приходить. Матерям такое тяжело даётся.

Тяжело. Тяжело было справляться с эмоциями здесь, в камере. Ни шанса на уединение – всё, что у тебя на душе, ты либо оставляешь внутри, либо делишь со всеми. К этому было невозможно привыкнуть. Невозможно это переносить.

– *Так теперь запел?*

Я не подал вида, хоть сердце и ушло в пятки. Особое удовольствие ему приносило трогать меня в такие моменты – когда взгляды обращены ко мне. Когда я должен говорить что-то. Реагировать для наблюдателей так, как это положено. Но никак не спорить с кем-то внутри себя.

– Давай поговорим с тобой, – Василий сел напротив на свою койку и наклонился ко мне. Голова загудела.

– О чём?

– О жизни твоей. Вижу же, что держишь. Что душит тебя.

– Если и так – какая польза?

Он усмехнулся в сторону, но это было по-другому. Не обычный его хитрый прищур, которым он снисходительно одарял, едва кто-то говорил глупость, по его мнению.

– На зоне по-другому всё работает. Здесь, если тебя что-то гложет – копить нельзя. Ты будь уверен – и там дальше чуть что на разговор будут выводить. Никто не хочет, чтобы его соседу по спальному месту сорвало башню в один момент.

В его словах была истина. Порой я этого человека опасался – будто мысли читает.

– Ага, – подключился с верхней полки Артур, – я с тобой уже сколько? Два месяца, а до сих пор ток статью узнал и то – с горем пополам, – он спрыгнул сверху и оседлал табурет, образовав треугольник.

– Что вы на меня, как на телевизор, смотрите? – я поёжился. Было некомфортно от предложения, что деваться мне некуда. Василий громко хохотнул.

– Не напирай, – он ткнул Артура в плечо, – а то у нас не душевность, а допрос с пристрастием получается.

И всё же я остался центром ожидания.

– Что вам рассказать-то?

– Давай, историю жизни с пелёнок повествуй. Как маменька ходить учила, расскажи, как девчонка в первый раз отшила.

Я поднял брови в немом недоумении. Менее чёткого ТЗ я, кажется, никогда не встречал. С силой протёр глаза.

– Я не привык делиться подобным, – натужно выдавил с себя, на что Василий фыркнул:

– Привыкнешь. В общем душе же привык в глаза смотреть.

– И труханы в тазике стирать... – протянул Артур, глядя в никуда. Тут же тряхнул головой, будто откидывая всплывший образ. – Я столько женских жоп в порнухе не видел, сколько мужских здесь уже повстречал!

Я беспомощно посмеялся в руку и покачал головой. До смешного он был прямолинейным человеком. Василий захохотал в голос.

– Насмешил, Неволько, – он утёр проступившую слезу и снова продолжил сверлить взглядом.

Я выдохнул. Хорошо. Всем тюремным психиатрам же уже поведал – тут ничего сложного не будет. Всё то же самое.

Нет, совсем не то же самое – хватит себя обманывать. Сейчас я в протрации не находился и о последствиях думал сравнительно больше. Вновь выворачиваться на изнанку ради удовлетворения чьего-то интереса.

– Я не знаю, что вы ожидаете услышать. Не задалась у нас благополучная семья и всё. Сначала мать свою дочь похоронила, потом и отец с катушек слетел. И я ничем не хуже.

– А что отец? – все вопросы Артура ощущались донельзя заинтересованными. Он смотрел на любые события, как на сюжет фильма. Всегда нужно подробнее. Всё, что упустишь ты – не упустит он.

– Бухал по-чёрному. И пиздил нас поочереди. Ничего особенного – половина так живёт.

Только пить он начал не сразу, как и избивать. Попытка в хорошую жизнь оборвалась смертью сестры. Это сломало его. Сломало нас всех. Я этого ублюдка всё равно не оправдываю. Они хотели завести ещё одного ребёнка. Выкидыш от очередных побоев. А ведь всё выглядело, как проблеск надежды. Ненавижу его.

– Мама до сих пор одна? Когда они разбежались? – Василий был непривычно спокоен и сосредоточен. Это всегда означало наступление меланхолии.

– Лет шесть назад он ушёл.

Ушёл, но не с концами. Стабильно каждые полгода приползал синий – просил вернуться. Мать не могла ответить твёрдо. Боялась спровоцировать. Но всегда открывала, чтобы не орал на весь подъезд. Поначалу я отмалчивался, позволяя им разобраться самим, пока тот не впадал в бешенство, не начинал обвинять её по новой во всех грехах и замахиваться. Потом выпроваживал, не давая им с матерью пересекаться. Тогда он уже не мог безнаказанно избивать своего

сына под надрывные рыдания и матери в том числе. Сообразив это, он стал намеренно приходить, пока я был в школе. Дни его визита я всегда чувствовал. Подсказывали.

– О ком ты у неё спрашивал?

– Родители моего друга.

– Это тот друг, за которого ты убил?

Я ответил кивком.

– Она впервые после ухода этого мудака начала сближаться с кем-то. Я снова всё испортил.

– Не думаю, что они должны быть о тебе такого уж плохого мнения, – протянул Артур.

– Если всё так, как ты говоришь – они должны быть на твоей стороне. Ты же спас их сына.

Я уронил лицо в ладони. Он не знает о чём говорит. Он не знает, как я их убил. С какой жестокостью. И без единой мысли остановиться.

– Я бы спас их сына, если бы просто увёл его оттуда. То, что я сделал – называется убийством...

– Прекращай, – Василий прервал меня резко и почти грозно. – Сделал-не сделал – хорош перемалывать то, что уже сделал. Ты до этого с ними пересекался?

Я смешанно смотрел на него.

– С одним только.

– И? Говорили с ним?

– Смотря что разговором назвать... – его напор всё больше сбивал с толка.

– Не помогло?

– Как видите.

– Значит, в твоей голове другого решения не было. Значит, ты подсознательно думал, что поставить точку можешь только так. Думал же?

– Ну... – я замешкался.

– Ну вот и всё. Я тебя не оправдываю перед законом – но перед самим собой оправдайся так. Ты решил поступить радикально.

– Я не хотел поступать радикально.

– Вот... – он сквозь зубы протянул, – не хотел бы, тут со мной бы не общался.

Я повёл щекой и отвёл взгляд. Не переносу людей, вытягивающих из меня эмоции нарочно.

– Ладно, да! Я хотел этого. И это просто делает меня бездушной тварью.

– Успокойся, – он осадил и дал время выдохнуть. Артур распахнул глаза и вертелся поочередно в наши стороны, опасаясь возникшей вдруг перебранки. – Правильно говоришь – нельзя людей убивать. Но и ты не обесценивай.

– Что? Убийство? – я оскалился, раздражённый от вынужденной честности.

– Мотив свой. Не ради крови ты же это сделал. Ради товарища. Я за товарища и под нож, и с ножом бы пошёл. И ни о чём бы не жалел.

– Вы...

...уверены в том, что это было не ради крови больше, чем я. Промолчал. Нельзя.

– Ты ж подумай, – он требовательно покачал рукой и доверительно проговорил, заглядывая в глаза, – ты б себя больше ненавидел, если б через время они бы вернулись и добились И его и тебя. И ещё парочку. Сынки ментов, говоришь были?

– Да.

– И что, святые люди пойдут втроём одному морду бить?

Я заикнулся для ответа, но прикусил язык. Конечно, нет. Конечно, не святые. И грехов на душе у них много. И закон им не писан. И если уж совсем удариться в оправдание себя – а сколько бы ещё пострадали, если бы они остались живы? Но я не судья. Я не палач. И будущее мне тоже недоступно. Макс говорит: «Люди меняются. Каждый может исправиться,

если показать ему правильный путь. Хотя даже наш путь правильный только потому, что мы так решили». Я верю Максу.